

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БОЛЬШИЕ
БАТАЛЬОНЫ

Том 1. Спор славян между собою

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Большие батальоны. Том 1.
Спор славян между собою**

«Звягинцев Станислав»

2013

Звягинцев В. Д.

Большие батальоны. Том 1. Спор славян между собою /
В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав», 2013 — (Одиссей
покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-63451-4

Параллельные реальности пересекутся, если это потребуется для установления исторической справедливости или если вдруг всемогущие Игроки решат начать новый раунд своей бесконечной Игры в Гиперсети. Другим и единомышленникам из «Андреевского братства» в очередной раз придется подтверждать это, сражаясь то по одну, то по другую сторону невидимой границы. Ведь противостоять врагам в России всегда было привычнее всем миром, объединив силы. Тем более нападение спланировано так, чтобы обескровить нашу страну сначала в одной исторической последовательности, а затем, используя ее как плацдарм, – начать атаку на другую! И план этот был почти безупречен. Но помощь пришла! Ведь русские своих не бросают, где бы и когда бы они ни жили...

ISBN 978-5-699-63451-4

© Звягинцев В. Д., 2013

© Звягинцев Станислав, 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий Звягинцев

Большие батальоны. Том 1.

Спор славян между собою

Большие батальоны всегда правы.
Наполеон Бонапарт

Бог на стороне больших батальонов.
Вольтер

*Они во всём едины,
Они неразделённые,
Они непобедимы,
Большие батальоны.
Они идут, большие,
Всех шире и всех дальше.
Не сбившись, не фальшивя:
У силы нету фальши.
Хоть сила немудрёна,
За нею власть и право.
Большие батальоны
Всевышнему по праву.
И обретает имя
В их грохоте эпоха,
И хорошо быть с ними,
А против них быть плохо.
Но всю любовь и веру
Всё ж отдал я не Богу,
А только офицеру,
Который шёл не в ногу.*

В. Корнилов

*О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас?
Оставьте: это спор славян между собою.
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас.*

А. Пушкин. Клеветникам России. 1831 г.

Глава первая

Как написал бы автор XIX века, и начала XX тоже: «В городе федерального значения М. в последних числах августа 20... года стояла чудесная погода. Только что прошёл бурный, тёплый, по-весеннему радостный ливень».

В таком приблизительно роде.

За окнами вечерело. Наступил как раз тот час, когда электричество (или любой другой источник искусственного света) зажигать ещё рано, но очертания предметов уже начали утрачивать чёткость, в дальних от окон углах комнат стали сгущаться тени. В этот переходный час иногда само собой меняется настроение, вдруг появляется немотивированная грусть и вспоминаются безвозвратно ушедшие мгновения жизни, не всегда значительные, но волнующие. Словно бы между страницами старой книги вдруг попался трамвайный билет тридцать лет назад отменённого маршрута или химическим карандашом написанный счёт на четыре рубля с копейками из кафе на ВДНХ. Да хотя бы и просто засохший ломкий цветок, оставленный здесь ещё до тебя на память неизвестно о каком событии давно покинувшим наш мир человеком...

Место действия – богато, демонстративно старомодно обставленная квартира. Чересчур богато и чересчур демонстративно, на взгляд впервые оказавшихся здесь людей, потому что мало кому из нынешних даже и олигархов придёт в голову столь резко выбиваться из господствующего в их кругах гламурно-постмодернистского стиля. Да и современные дизайнеры не станут заморачиваться, разыскивая подлинные мебельные гарнитуры безвозвратно ушедшего позапрошлого века и все им соответствующие аксессуары – тысячи томов раритетных книг в тиснёных золотом кожаных, муаровых, пикейных переплётах, всяческие антикварные штучки из бронзы, мрамора, нефрита, прочих ювелирно-поделочных материалов. Ну и картины по стенам развешаны достойные долгого и внимательного рассмотрения, примечательные не только сюжетами, но и техникой исполнения. Совсем не те, что ныне оцениваются в десятки миллионов долларов, но у человека наедине с собой, не обязанного «террором среды» изъяслять статусные восторги, вызывают либо смех, либо тягостное недоумение.

Видно, что кто-то старательно воспроизвёл в нескольких комнатах этой обширной квартиры известные сейчас только по фотографиям интерьеры дворцов Юсупова, Рябушинского, Щукина и прочих некогда славившихся одновременно тонким вкусом и любовью к роскоши ныне исторических личностей.

Большинству присутствующих всё окружающее было давно и хорошо известно, но двое – Президент и Журналист – всё не могли освоиться, принять обстановку (в обоих смыслах этого слова) как должное. На только что пережитые, ещё вчера казавшиеся немыслимыми события накладывался и этот интерьер, усиливая ощущение нереальности происходящего.

– Да что это мы всё стоим, господа? – совершенно искренним тоном удивился Фёст, только в глубине его глаз мелькало нечто похожее на насмешку. Людмила, по крайней мере, её улавливала. – Не пора ли?..

Кажется, Вадим сейчас забавлялся не только тем, что принимает у себя приватным образом *взаправдашнего* Президента, а и наблюдая за Секондом, слишком серьёзно вдруг отнёсшимся к своей флигель-адъютантской должности. Лично ему сейчас, наоборот, хотелось валять дурака. Все пули в очередной раз пролетели мимо, вокруг – прелестные девушки, должествующие своим видом и щебетанием радовать глаз и душу (то, что они только что своими нежными пальчиками отправили к праотцам энное количество людей, не имеет никакого значения, как и то, что не бальные платья на них, а суровые воинские доспехи), погреба ломаются от запаса продовольствия и напитков – чего ещё желать?

Гусар, партизан и поэт Денис Давыдов как раз по такому случаю писал:

«Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные?
Председатели бесед,
Собутыльники седые?
Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами...
...Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает.
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.
Конь кипит под ездоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечером
Снова ковшик шевелится...»

Фёсту что, он человек совершенно свободный, свободный «от» и свободный «для», ему можно в каждый данный момент времени оставаться самим собой, не заботясь об условностях и необходимости «соответствовать» и «производить впечатление». При том что здесь и сейчас именно на нём лежит *настоящая* ответственность.

То ли дело все остальные присутствующие здесь мужчины (за исключением Воловича, конечно). Они угнетены грузом текущих и предстоящих забот, а двое вдобавок потрясены тяжестью не только фактически проигранного сражения, но и крахом дела едва ли не всей сознательной жизни!

Да-да, проигранного, что уж тут лицемерить? Если они ещё живы и на свободе, так «по независящим от них обстоятельствам». А – «по зависящим»?

Результатом «гуманного и демократического», как им казалось, правления, стал банальный верхушечный заговор с попыткой вооружённого свержения власти. По большому счёту – удавшегося, ибо вмешательство иновременных сил никоим образом не являлось заслугой первого лица государства и его окружения. За одной крошечной оговоркой – это вмешательство стало возможным только потому, что *потусторонним силам* нынешние персоналии показались более симпатичными, чем любые другие. Каприз, если угодно, но никак не результат осмысленной политики Президента и возглавляемой им власти.

А тут ещё Фёст, условный полковник другого государства и всего лишь капитан медслужбы нынешнего, изрёк свою фразу, достойную войти в анналы с ничуть не меньшим основанием, чем многие другие, от цезаревского: «Жребий брошен» до хрущёвского: «За работу, товарищи!»

– Да, господин Президент, не бойтесь друзей! Особенно если они не собираются вас предавать...

– Как это? – приподнял бровь Президент. – Не бойтесь друзей? Оригинально...

– Можно подумать, вы Бруно Ясенского не читали или хотя бы Эренбурга, тоже приводящего эту цитату, – не совсем вежливо ответил Фёст.

– А вот знаете – нет, – развёл руками Президент. – Не пришлось как-то. Очевидно, у нас с вами были несколько разные вкусы и интересы.

Журналист знал, о чём идёт речь, но промолчал. Сам не зная почему. Он вообще чувствовал себя странно. То ли межвременной переход на нём так сказался, то ли затянувшийся на весь невероятно длинный день стресс, да ещё и какое-то странное влияние на его психику присутствия рядом Людмилы Вяземской. Она действовала на него совершенно непонятным обра-

зом – не влекла своей необычной красотой, не пугала холодным профессионализмом «солдата удачи», но поселила в душе тревожное беспокойство, никак не относящееся ко всем перипетиям последних дней, вообще к государственной политике. Что-то такое, в духе «Мастера и Маргариты», пусть и с другим знаком.

– Ну, это сейчас совершенно несущественно, – усмехнулся Вадим, вполне довольный и вчистую выигранной им партией, начатой не так давно скорее от нечего делать, нежели от надежды что-то в *этой* стране реально изменить, и, главное, тем, как он сейчас выглядит в глазах Людмилы. Смешно, но мнение двадцатилетней девчонки, да ещё и из другого мира, казалось ему чрезвычайно важным. Станным образом сейчас мысли его и Журналиста пересеклись в одной точке, хотя и исходили из совершенно разных предпосылок.

Кроме него на удивление великолепно чувствовал себя Мятлев. Для Контрразведчика всё стало простым и понятным, и в личном плане, и в государственном. Наконец-то, после неудавшегося покушения, чудом (и с его, Леонида, помощью тоже) выживший Президент позволит ему развернуться в полную силу, разрешит (если не попросит!) принять на себя всю полноту власти в его специфической сфере деятельности. А сейчас тот самый момент, когда она, эта деятельность, становится единственным источником власти в стране, и выпускать ли её из рук после «наведения порядка» – только ему решать. Ни Дзержинский, ни Троцкий, ни даже Берия не сумели конвертировать полный контроль над спецслужбами и армией в нечто осмысленное, однозначно целенаправленное. Вышеназванные персонажи, имея собственное представление о текущей обстановке и системе государственного управления в стране, не сумели в нужный момент заявить: «Командовать парадом буду я!» – и проиграли всё, включая и собственные жизни. А ведь тот же Дзержинский (да и Троцкий тоже) прекрасно понимали пагубность сталинского курса, достаточно разумно рассуждали о необходимости «внутрипартийной демократии» (прежде всего – для себя), боялись «термидорианского переворота» и даже вслух о его, пока ещё теоретической, возможности предупреждали верхушку партии. Только желающих услышать оказалось слишком мало, а использовать нужным образом и в нужное время имеющиеся возможности эти товарищи не решились. Особенно удивлял Леонида в этой ситуации Берия. И дамоклов меч над своей головой видел вполне отчётливо, и о механизме его использования понятие имел, а вот поди ж ты, сидел и ждал целых четыре месяца, пока Хрущёв с силами соберётся и свои козыри на стол бросит.

Пусть сейчас у Леонида Ефимовича с Президентом положение выглядит намного «хуже губернаторского», полностью проигранной партия выглядит, чего тут деликатничать? Упавшую с неба власть удержать не сумели, на чужой территории сейчас бегством спасаются. Так зато и путь к победе ясно виден, и когда наступит эта самая победа, он шанс не упустит. Сосредоточит в своих руках руководство абсолютно всеми силовыми структурами государства и «демократию» будет регулировать лично. В строгом соответствии с потребностями общества. В песочнице детского сада тоже ведь «свобода, равенство, братство», однако воспитательница постоянно рядом присутствует и бдит! Знает, что если один из «равных» другому лопаткой по маковке стукнет, не с него спрос будет. Так и в государственных делах: если «народные избранники» по глупости или из корысти *неправильный* закон вознамерятся принять, «всенародно избранные» губернаторы *злоупотреблять положением* начнут – что же, ждать, пока «их жизнь сама накажет строго», а «естественный ход событий» к очередной катастрофе приведёт?

Это – первое.

Второе – обозначилась ясность и в его отношениях с Гертой. Что всё теперь будет в порядке, Мятлев уже понял. После того как они вместе повоевали, и неплохо, он в её глазах проявил себя достойно – обратной дороги нет. Всё у них получится в наилучшем виде, может быть, уже сегодня. А завтра он сделает её своим первым заместителем и консультантом по *нереальным вопросам*. И таким же ответам. Жить они с ней будут *здесь*, а работать *там*...

Генералу как-то совершенно не пришло в голову, что если задуманный им план реализуется в полной мере – всё выйдет совершенно наоборот, это он окажется у Герты заместителем и «зиц-председателем». Исключительно в силу различия типов личностей. Если ей, конечно, вообще покажутся интересными игры в большую политику на уровне Екатерины Великой, тоже начинавшей карьеру в качестве жены племянника императрицы Петра Фёдоровича.

Мятлев, стараясь не привлекать внимания друзей и хозяев, вдоль стеночки выскользнул из кабинета, направился по длинному полутёмному коридору в сторону кухни. Там Герта гремела посудой, собирая ужин, хоть в какой-то мере соответствующий важности гостей. И Людмилы здесь не было, к его удаче. Возможно – и сомнительной.

Генерал подошёл к девушке сзади, положил руки на плечи, повернул к себе лицом. Совсем рядом глаза и губы. Прижать к себе «хрупкое» (если смотреть, не прикасаясь руками) тело, начать целовать куда придётся. Ему этого просто неудержимо захотелось. Но «распалившийся воздыхатель» наткнулся на спокойный, не располагающий к сумасбродствам взгляд не соблазнительной девушки, а недавно вышедшего из боя офицера.

– Ты, Леонид Ефимович, держи себя в руках. Не люблю я таких вот истерических порывов. Возьми вон лучше консервы пооткрывай, раз пришёл... Дожили, представь себе – президента великой державы банальными консервами угощать будем...

Ну, консервы были не совсем уж банальные, не «Частик мелкий нерядовой укладки»¹. Крабы нашлись, и шпроты, и мидии со специями, даже «угорь копчёный в кисло-сладком соусе», не считая всяческих колбас и сыров. Нередко здесь по десятку человек без подготовки случалось кормить, на подобный случай и припасы. Но всё равно...

Можно бы, конечно, проявив инициативу, заказать в расположенном напротив ресторане «У дяди Гиляя» полноценный ужин с парой официантов для оформления и подачи блюд, но это не Герте решать.

Самое странное, Мятлев не чувствовал себя задетым или обиженным холодностью девушки. Главное, она говорила с ним как с по-настоящему «своим человеком». Ну не сейчас, значит, подождём другого раза, сама по себе идея не отмечена в принципе, и это хорошо. Пожалуй, даже интереснее – дожидаться и посмотреть, как она сама инициативу проявлять будет. Но это вряд ли. Придётся самому в подходящий момент снова инициативу проявить.

Секонд, Фёст, Президент и Журналист остались вдруг одни, Людмила тоже незаметно растаяла в глубине смежных комнат. Волович, судя по дыханию и мимике, видел сладкие наркополитические сны и субъектом действия сейчас не являлся. То есть получилось – два на два, идеальная схема для переговоров, ну, не переговоров в полном смысле слова, но обмена мнениями, предполагающего согласование хотя бы «протокола о намерениях».

– Знаете, Георгий Адрианович, – Фёст впервые назвал Президента по имени-отчеству, причём панибратским тоном, и это ему понравилось, как в своё время нравилось утончённо издеваться (не выходя за пределы статей всевозможных уставов и приказов) над своим полковым и дивизионным начальством. – Вы сейчас находитесь в удивительно выигрышном положении...

– Не совсем понял...

– Да как же? Цитата из Ясенского открывает вам широчайшее «окно возможностей». Стоит объяснять дальше?

– Не стоит, – несколько раздражённо ответил Президент. Ему манера поведения более агрессивного (наверное, потому что «соотечественник» и «современник») из близнецов совсем не нравилась. Но, как писал то ли Эсхил, то ли Софокл, «даже бессмертные боги не могут

¹ Для тех, кто не жил в «наше время». Были такие рыбные консервы, где рыбка размером около спички заливалась каким-то томатным соусом и укладывалась навалом в стеклянные банки, которые пустые стоили больше полных. Эти банки объёма 0,25 л широко использовались студентами и деклассированными слоями населения в качестве стаканов, пепельниц и т. п.

бывшее сделать нёбывшим». Эти парни вели себя выше всяческих похвал и в бою, и, той сфере «высокой политики», в которой им пришлось поучаствовать. По крайней мере, Президент признавал – что и с гораздо большей раскованностью и степенью компетентности, чем он сам в своей должности. Не только сегодня, но и всегда.

– Вот это я и хотел от вас услышать, – удовлетворённо сказал Фёст, беря из коробки сигару. Он тщательно её раскурил, посматривая сквозь дым на своих визави. – Иногда очень полезно человеку взглянуть на окружающее с несколько иной точки зрения. Марк Твена помните?

– Что именно? – нервно спросил Президент.

– Как что? Я думал, вы сразу догадаетесь. «Принца и нищего», конечно. Не находите определённого сходства ситуаций? И послушайте меня, – Фёст попытался применить на практике один из многочисленных усвоенных от Александра Ивановича психологических приёмов, – прекратите вы терзаться всякими глупыми мыслями и мировую скорбь изображать. Здесь не детский сад, никто вас жалеть и успокаивающих слов говорить не будет. Примите одну из двух схем поведения. «Хэмп Ван-Вейден» или «Смок Белью»². В первом случае примите случившееся как жестокую данность свыше и начинайте из неё выбираться, перестраивая себя и набираясь сил, которые в вас есть, но о которых вы в силу особенностей вашей биографии не подозревали. Во втором – всё происходящее – просто интересная, добровольно вами выбранная игра.

Вы проверяете свои возможности добывать и есть медвежье мясо, но всегда вольны отказаться от испытания и тут же вернуться в свой прежний мирок, кажущийся вам уютным. Терцию нон датур. При любом вашем выборе мы готовы вам помочь, но не в большей степени, чем вы готовы помочь себе сами. И ещё запомните – о других говорить не буду, но для меня вы сейчас никакой не Президент. Просто человек, с которым я готов делать общее дело. Если вы сами этого хотите. Одно ваше слово – и я верну вас туда, откуда так опрометчиво выдернула вас девушка не нашего мира. Там всё ещё длится ситуация, которую вы сами создали и которую имеете возможность исчерпать до конца. В меру собственных способностей.

Речь получилась слишком длинная, и Фёст сознавал, что после неё может приобрести себе в лице этого человека пожизненного врага. Но и на это ему было наплевать. Он ведь не политик, он сейчас снова просто врач, и то, что происходит – обыкновенная шоковая терапия. Он действительно думал именно так, как говорил, и это чувствовали все присутствующие. Только – все по-разному.

Пауза несколько затянулась. В это время предпочитавший без нужды не вмешиваться «в спор славян между собою» Секонд разлил всем по чаркам.

«Или во здравие, или за упокой», – подумал он. Он понимал запал своего брата-аналога и всей душой желал, чтобы Президент понял то, что до него пытается донести Вадим, однако сам воспринимал мизансцену лишь с собственной точки зрения. Если Президента удастся склонить к сотрудничеству на условиях Олега – чего ещё желать флигель-адъютанту? А Фёсту требовалось совсем другое. Он хотел, чтобы Президент ЕГО страны взял себя в руки и стал тем человеком, который сможет и дальше управлять государством, в совершенно новых условиях. Причём так, чтобы не выглядеть на фоне Императора марионеткой или младшим партнёром. Зачем *этому* Ляхову превратившаяся в протекторат Россия с декоративным лидером во главе?

Самое интересное – Фёст очевидно верил в то, что этот человек способен на преобразование в нужную сторону. В конце-то концов – разве все рыцари Братства не прошли, пусть по-своему, подобный же путь?

Похоже, это уловил и Журналист. Уловил и явно стал на сторону Фёста, хотя и не сказал пока ни слова.

² См. Дж. Лондон. «Морской волк», «Смок Белью», «Смок и малыш».

Президент разжал зубы, отпустив невольно прикушенную губу. И вдруг улыбнулся.

– А знаете, хорошо это у вас получилось. И «Принц и нищий» к месту, и остальное. Судьба пытается заставить стать Хэмпом, а я ей назло выберу Смока. Идёт?

И протянул Фёсту руку.

– Идёт. Теперь осталось только добраться до ручья Индианок, и всё у нас будет в порядке...

– За это и выпьем, – продолжил Секонд, которому уже надоело смотреть на полные чарки и слушать чересчур многословные периоды³ Фёста, пусть и сам он был склонен к риторике не в меньшей степени.

Ещё не зная, что обсуждается сейчас высокими договаривающимися сторонами, Герта вдруг решила тоже внести свой вклад в большую политику. Исходя из своего понимания проблемы. Её ведь не на подпоручика роты спецназа учили. В ранге координатора ей полагалось бы, пусть и не слишком часто, принимать самостоятельные решения государственного уровня, используя в качестве инструмента любых подходящих людей, вплоть до коронованных особ. Как, например, работала в викторианской Англии Сильвия, леди Спенсер.

– Слушай сюда, Лёня, – Герта вспомнила свою командировку в Одессу, и ей показалось подходящим такое обращение к генералу, – я тут немножко подумала... Если вашему Президенту так не хочется «засвечиваться» перед Олегом и как бы признавать своё поражение, на поклон идти – можно попробовать провернуть акцию своими силами. Только нужно вызвать остальных девчат с Уваровым оттуда, где они находятся, подключить ещё хотя бы взвод, а лучше всю роту «печенегов». Если Фёст и Секонд с Тархановым договорятся, я надеюсь, и за сегодняшнюю ночь мы легко можем вернуть Президенту *престол* с полностью зачищенными окрестностями. У нас почти все данные по руководству заговора есть, чего не хватает – за час по «Шару» выясним. И вперёд, попросту, в жанре нормальной фронтовой операции. Мы, «печенег», «правовые предрассудки» и собственного государства не слишком почитали, пока Олег к власти не пришёл, а что говорить о чужом? Ну, ладно, – поправились она, заметив непроизвольную гримасу на лице Мятлева, – пусть не «чужом», а «другом».

Леонид Ефимович поначалу несколько оторопел от простоты и даже примитивности высказанной валькирией идеи. То есть действительно, без всяких, даст бог, осложнений в течение ночи произвести самое широкое изъятие и ликвидацию всех, на кого укажет пленный генерал, его бывший коллега Стацюк, кого сам Мятлев подозревает, кто вообще вёл себя «нелояльно», ворует не по чину, по западным посольствам бегают... Даже и ликвидация ни к чему, если все хотят чистые руки и белые ризы сохранить. Пусть «печенег» забирают их к себе и используют, допустим, на сельхозработах где-нибудь в сибирской или даже уссурийской глуши. На перевоспитание к староверам и казакам отдать... Забавно может получиться. «Декабристов» всех мастей – в одну кучу, без различия партийной принадлежности. Кружки дискуссионные будут устраивать, как эсеры, эсдеки, анархисты на царской каторге. То есть в ссылке, конечно.

Мятлев давно был готов «перестроиться» как раз в духе принципов имперской России, только смысла это не имело в прежних условиях. Генерал очень хорошо помнил девяносто первый год, в самом подходящем возрасте был, двадцать лет – и ума уже хватало, и эмоционально всё очень ярко воспринималось. И случившийся тогда «демократический шабаш» с известными последствиями относил как раз на счёт того, что не нашлось в стране по-настоящему подготовленных к катаклизму таких масштабов и, главное, *в нужном направлении* здравомыслящих людей. Ничего ведь не стоило бы толковому лидеру (существуй тогда такой вообще на

³ **Период** (в риторике) – развёрнутое сложноподчинённое предложение с чёткой интонацией и делением на синтаксически единые группы слов.

российских политических подмостках) вроде Наполеона и, чёрт с ним, даже Сталина вовремя оценить суть происходящего, возглавить движение и направить ситуацию в нужное русло.

Тогда после нескольких месяцев, ну – года некоторой турбулентности – вполне можно было вывести государственный корабль с минного поля на безопасный и ведущий в сторону благоденствия и процветания фарватер. С огромной выгодой для всех, а не катастрофическими потерями.

Сейчас будет, с одной стороны, потруднее, ибо слом намечается не слабее того, двадцать лет назад случившегося, но и легче тоже – страну придётся подгонять под уже существующий и эффективно действующий шаблон с помощью умелых и знающих людей. И подушек безопасности теперь больше, чем в люксовом «Майбахе».

Но, кажется, чем чёрт не шутит, наклёвывается вариант не хуже.

Судя по словам Герты, нужно совсем мало – заставить Фёста убедить Секонда, потом вдвоём – неизвестного пока Леониду, но, видимо, весьма серьёзного человека Тарханова. Тут, конечно, им все карты в руки. Сумеют – и реформы можно будет начать проводить в самых благоприятных условиях, не спеша, просчитывая каждый следующий шаг и не опасаясь больше никакой оппозиции. Хотя при чём тут оппозиция?

Непонимание, чудовищная умственная ограниченность собственной президентской якобы команды, помноженные на шляхетский гонор и неспособность «верхов» прийти к согласию по любому мало-мальски серьёзному вопросу, если при этом задеваются местнические и финансовые интересы каждого из «кланов» и «центров силы», – вот в чём беда. Ей-богу, Леонид Ефимович никогда не был упёртым коммунистом, сталинистом тем более, но моментами накатывала такая ярость, причём – бессильная, что сталинская кадровая политика казалась единственным выходом.

Расстрелы и гулаговская каторга – это в большинстве случаев, конечно, лишнее, но тотальная чистка, с полным отстранением вороватых, не умеющих и не желающих работать чиновников любого ранга от всех видов государственной деятельности, а при необходимости и конфискация «до нитки», до шести квадратных метров жилья на человека, одного комплекта зимней и двух – летней одежды, и зарплата на уровне прожиточного минимума – это как раз то, что нужно!

«Стоп, стоп, парень, – тут же сказал сам себе генерал, – это тебя понесло! Сначала хотя бы первый шаг сделать надо. Ликвидировать мятеж, организаторов, исполнителей, пособников, и закрепить своё положение, используя в качестве надёжного и беспристрастного инструментов этих самых «печенегов». Это только вообразить – тысяча человек «личной гвардии», и все – такие как Герта с Людмилой...»

Тут, очень вовремя, на кухне появилась Вяземская, сообщить, что стол для ужина она уже сервировала и можно начинать носить закуски и прочее. Отмахнувшись, Герта торопливо изложила подруге свой план. Мятлев, незаметно для девушек опрокинувший большую рюмку коньяка, закурил, отойдя к окну. Теперь какое-то время от него ничего не зависит. Можно спокойно полюбоваться панорамой «другой Москвы». Солнце уже село, от западного горизонта почти до зенита по тускнеющей голубизне разлилось алое, через ряд оттенков переходящее в малиновое, сияние. Разбросанные по небу отдельные кучевые облака, тоже изошрённо подкрашенные и подсвеченные разными оттенками фиолетового, синего и серого, придавали картине совершенно сюрреалистический вид. Наверняка вся эта давяще-тревожная красота намекала на предстоящие события, судьбоносные и кровавые. Так как там у Салтыкова-Щедрина? «Дорога из Глупова в Умнов лежит через Буянов, а не через манную кашу».

«Хотя, – подумал Мятлев, – происходить-то события будут совсем не здесь, а там, у нас, так к чему же эта иллюминация?»

И тут же сам себе ответил: «Но происходить-то они будут именно с тобой, вот тебе знак и подаётся...»

Чёрт знает, какие глупости лезут в голову по причине сильного душевного волнения.

– А что, – ответила, выслушав самый приблизительный *абрис*⁴ плана Вяземская своим мелодично-обволакивающим (вне строя) голосом, – мне нравится. Особенно после всего, что сегодня было. Фёст стопроцентно на нашей стороне (попробовал бы возразить! Сейчас у девушки имелось против него неотразимое оружие, которым из двух влюблённых успешно может пользоваться тот, у кого нервы крепче и выдержки больше), Секонда мы тоже уломаем, ничего сложного. (Людмила воспринимала аналога своего Фёста как человека хотя и героического, увенчанного всеми возможными наградами, кроме того, своего прямого начальника, но при этом гораздо более слабохарактерного, чем «брат», ведомого в этой странной паре.) А вот с Тархановым им самим придётся работать, нам такая фигура не по зубам. Надо бы, конечно, ещё вызвать оттуда, где они сейчас находятся, остальных девчонок во главе с «дядькой Черномором» (Уваровым), ну и Сильвию, конечно. Без неё – никуда.

– А что Сильвия? Ей как раз сейчас здесь делать нечего. С автоматом бегать – не её уровень. Сами справимся. А аналитиков и без неё достаточно, – возразила Герта.

– Да как сказать, – Людмила смотрела на вещи глубже, – не те из нас аналитики. Сегодня мы одно дело сделаем, а что вследствие этого завтра начнётся?

– Что завтра начнётся – завтра и решим, – сказал, отворачиваясь от окна, Мятлев. Ему хотелось немедленных действий, и не только мести (хотя и её тоже), а созидательной деятельности по наведению в стране *настоящего* порядка. Важнее же всего – возможность в последний момент перехватить инициативу, удержать власть и впредь выступать на переговорах с Императором, как самостоятельная, независимая сила. Не изучал Леонид Ефимович как следует историю Варшавского восстания, иначе не повторял бы ошибку Бура-Комаровского⁵.

– Нет, так не положено, – уже более жёстким тоном возразила Вяземская. – Одно дело, когда мы там у вас *импровизировали*, действовали в условиях *крайней необходимости*. А самостоятельно в *другой стране* смену государственного строя всемером устраивать... Нет, так не пойдёт. На то верховное главнокомандование имеется.

– Вдвоятером, – машинально поправила Герта, – если Уварова и Фёста считать. А так ты права, пожалуй. Это я погорячилась... – Она выразительно посмотрела на Мятлева. Мол, и ты в моей *горячности* виноват.

– Давай сначала то, что нам непосредственно приказано, исполним. Дипломатический ужин в честь главы сопредельного государства – это тебе не офицерские посиделки. Потом отзовём Фёста и предложим. Как он скажет, так и будет.

Пужинали наскоро, аппетита не было почти ни у кого, адреналин в крови ещё присутствовал в достаточных количествах.

– Я бы предложил прогуляться по вечерней Москве, – сказал Фёст, – ничего более осмысленного мы сейчас предпринять не можем. Времени у нас неограниченно. Можем хоть месяц отдыхать, а там стрелки остановлены, как на шахматных часах. Попросим местных товарищей принять бразды правления и окружить нас заботой «согласно законов гостеприимства».

Насколько мне известно, да вот и Леонид Ефимович подтвердит – этот город, ваше высокопревосходительство, во множество раз безопаснее нашего с вами. Самодеятельной преступности здесь, считайте, нет, только профессиональная, которая уличным хулиганством не занимается, наоборот, сама бдительно следит, чтобы всякие отморозки ей лишних проблем с властями не создавали. Наркомании и наркоманов тоже нет, кокаином, гашишем и опиумом больше в великосветских салонах и на богемных сборищах балуются, как у нас до Первой

⁴ **Абрис** – контур, набросок, прикид, рисунок без теней (с нем. См. В. Даля).

⁵ **Генерал Тадеуш Комаровский** (кличка Бур), руководитель Армии Крайовой в 1943–1944 гг. Организатор и руководитель Варшавского восстания 1944 г., целью которой было захватить столицу до подхода Красной Армии и передать власть лондонскому эмигрантскому правительству. Восстание было немцами подавлено, Комаровский сдался в плен.

мировой. Ну и постовые городовые на каждом перекрёстке стоят, в пределах зрительной и звуковой (свистком) связи...

– Прямо рай земной у них здесь, получается, – недоверчиво хмыкнул президент. – Отчего же у нас, что в России, что в США, преступность непрерывно растёт, причём становится всё более агрессивной и немотивированной?

– Ну, Георгий Адрианович, – не выдержал уже Секонд. – Вы же юрист всё-таки, неужели нужно столь очевидные вещи растолковывать? Видно, на вашем факультете чему-то не тому учили. И Маркса с Энгельсом, наверное, на семинарах игнорировали. Вы же успели эпоху тотального марксистско-ленинского образования застать?

– Да практически уже и нет. Во время перестройки, когда я только поступил, на эти науки уже внимания почти не обращали. Другие имена в моде были. Но вы откуда про всё это знаете? Здесь тем более «исторический материализм» и «научный коммунизм» ни к чему.

– Исключительно из чистого любопытства почитывал. Хотелось понять, как такие заумные теории к государственному перевороту и Гражданской войне привели. А когда с *братцем*, – он кивнул в сторону Фёста, – познакомились, пришлось всерьёз заняться. Семьдесят лет вашей советской истории – весьма увлекательный феномен...

– Так не совсем понятно, как вы Маркса с Энгельсом и проблему преступности у нас и у вас увязываете, – задал вопрос до того молчавший Журналист.

– Ничего нет проще, Анатолий. Бытие всё-таки определяет сознание, хотя последнее время политологи утверждают, что наоборот, – ответил Фёст. – Если вы помните, царская Россия по уровню уголовной преступности занимала одно из последних мест в цивилизованном мире, и число заключённых на душу населения было ровно в пятнадцать раз ниже, чем сегодня у нас в РФ. Для примера ещё напомним, что при Муссолини мафия в Италии была практически сведена к нулю и на двадцать лет «залегла на дно». А как только американцы Италию освободили, первым из *демократических институтов* возродилась именно мафия. Интересный факт, да? Так вот в здешней России с самой Гражданской войны шла целенаправленная борьба не только с «причинами преступности», как это декларировали большевики, а прежде всего с её носителями, поскольку победившая «белая» власть хорошо усвоила, что уголовники для коммунистов – «классово близкие» и являются своеобразной «питательной средой» для советской власти. Так называемые «честные люди» ей невыгодны и политически и экономически. Как, впрочем, и нынешней эрфэшной. Вот мелочь вроде бы, а меня наповал сразила – с появления первых личных автомобилей и по сей момент в СССР, теперь РФ, существует норма – «угон без целей хищения». Кража костюма из магазина – всегда кража, поносить ты его взял или насовсем. А машину, оказывается, можно как бы и не украсть... Всё вокруг народное, всё вокруг моё!

– Хватит, хватит, друзья, – вмешался Мятлев. – Уж это – совсем не тема для текущего момента. Собрались идти гулять – так пойдёмте. Тем более – наши дамы уже переоделись и ждут, нервничая.

Действительно, пока мужчины вели застольную беседу в сократо-платоновском духе, валькирии привели себя в вид, подходящий для намеченной цели.

...Перед выходом Мятлев с Фёстом проверили, в каком состоянии находятся оба пленника, по старой методике приковали обоих в разных ваннных комнатах наручниками к трубам. От жажды не помрут и гадить под себя не будут, остальное несущественно. Пусть думают, тем более что Мятлев, не скрывая злорадства, сообщил своему бывшему коллеге Стацюку, что они все, сам Леонид Ефимович в том числе, находятся в руках людей, для которых понятия прав человека, уголовно-процессуальный кодекс и даже конвенция по обращению с военнопленными (если бы они под такую попадали) – пустой, *неосязаемый чувствами звук*.

Эти слова вызвали у генерала очередную презрительную усмешку и короткий нецензурный ответ. Или он словчился перед выходом на переговоры каким-то долгоиграющим нарко-

тиком заправиться, или от природы обладает таким идиотским упрямством, издалека похожим на настоящее мужество.

– Давай-давай, выпускай пар, – поощрил его Фёст. – Часиков через двенадцать весь гонор с тебя сойдёт, тогда и побеседуем. Строго исходя из тех же жизненных установок, которыми ты руководствовался. Так что сиди на цепи и воображай, как бы ты со мной поступил, попади я в твои руки, а потом помножь всё это на два, а то и на три. Просто потому, что я умнее и фантазия у меня богаче... Так что приятной медитации.

Выйдя из ванной, он погасил в ней свет. В темноте обычно лучше думается.

Для начала Секонд решил устроить ознакомительную поездку по Москве на открытых автомобилях. Таксомотры прибыли по вызову минут через десять, до «биржи извозопромышленников» тут совсем недалеко. При размещении возникло краткое препирательство. Секонд предложил в первую машину сесть Президенту, Журналисту, Мятлеву. И он с ними в качестве принимающей стороны и экскурсовода. Во вторую – Фёсту, Людмиле, Герте. Они составят группу сопровождения и прикрытия, на случай если и сюда проникнет какой-нибудь враг. Прецеденты случались.

Мятлев возразил, желая, чтобы с ним ехала и Герта. Вроде логично – эскорт-леди вместе с *подконвойным*, как сострил Фёст, лицом. Журналист хотел, чтобы с ними сел и Фёст, в паре с Секондом они интереснее и полнее вели бы «экскурсию». Используя очередной урок Шульгина (говорить открыто и прямо то, что обычно принято маскировать дежурными словами, правилами этикета, «политкорректности» и т. п.), Ляхов сказал спокойно и с подходящей случаю улыбкой: «Не стоит мне с вами сейчас ехать. Атмосфера и так перегрета. Нам эмоциональный срыв сейчас ни к чему. Лучше катайтесь и Вадима слушайте. Он человек воспитанный, опять же – особа, приближённая к Императору (при всём комизме этой как бы цитаты, она сейчас была истинной правдой, что само собой несколько снизило взаимное напряжение). Через час-полтора настроение у всех нас будет совсем другое...»

Мятлеву даже без слов, одним взглядом было указано, что он сейчас – член высокой делегации, а не Казанова в увольнении. Ну а насчёт схемы прикрытия он и сам всё понял.

Водителю второго наёмного «Ландо-кабриолета»⁶ Секонд приказал держаться на расстоянии 20–30 метров от передней, повторяя все её маневры. Для начала выехали на Тверскую, свернули на Садовое кольцо. Вполне подходящий маршрут для первой обзорной экскурсии по новому миру. Президента поразило не столько само Кольцо, такое же широкое, как и в его Москве, но с четырьмя рядами мощных лип вдоль тротуаров и по сторонам идущего посередине бульвара, как весьма разреженное движение и полное отсутствие даже отдалённого намёка на пробки. Бывало, перед красным светофором на перекрёстках сосредотачивалось несколько машин, но и только. Об этом он и спросил Секонда, предварительно уточнив, какое в этой Москве население.

– Миллионов шесть было по последней переписи. А точнее никто не считал, здесь ведь прописки, как у вас, нет, – сказал тот, – кто-то приехал, кто-то уехал. А что касается «пробок» – ничего сложного. Прежде всего – частных авто у нас крайне мало, в сравнении с вашими масштабами, конечно. Во-первых, цены на автомобиле почти запретительные, как в Европе на курево. Человеку со средним жалованьем нужно лет десять не пить, не есть, чтобы приличную для столиц машину приобрести. Такую вот, – он похлопал ладонью по полированной деревянной окантовке верхнего края автомобильной дверцы. – В провинциях, там наоборот – транспорт для езды в сельской местности крайне дешёв, но ни один уважающий себя москвич «Иртыш» или «Амур» (это такие аналоги ваших джипов-пикапов, только на техническом

⁶ **Ландо-кабриолет** – автомобиль, в котором верх открывается только над задними сиденьями, отсек водителя с глухой крышей, отделён от салона звуконепроницаемой стеклянной перегородкой.

уровне начала пятидесятих годов), в качестве городского транспорта использовать не станет. Да и полиция не допустит. Ну представьте себе, как в то ещё царское время надворный советник или артист императорских театров на телеге ломового извозчика по Камергерскому переулку на премьеру в Художественный театр едет...

Президент с друзьями представили. Заодно сообразили, что до пресловутого тысяча девятьсот семнадцатого года собственные выезды имелись у крайне узкого слоя населения, прочие довольствовались, в зависимости от общественного статуса, конками, трамваями, извозчиками-ваньками и, наконец, лихачами.

Секонд кивнул, в подтверждение их мыслей, которые разгадал без труда.

– Сейчас то же самое. Наёмные автомобили, такси по-вашему, по-нашему – «моторы», крайне дешёвы и имеются в изобилии. Плюс все прочие виды «общественного транспорта», их больше, чем у вас, и работают лучше. Ну и метро, само собой. Здесь его построили без всякого Кагановича, без «трудового героизма» комсомольцев-добровольцев, но гораздо раньше. Уже к тридцать второму году в Москве имелась Кольцевая линия, в Петрограде – одна прямая, от Финляндского вокзала до Лавры. А у вас в «Ленинграде» только в пятьдесят пятом, кажется, появилось? Причём станции у нас как в Париже, через каждый километр, а то и ближе. Без сталинского шика, конечно, но целям своим вполне отвечают...

– Ну и информированность у вас, – с недоумением и даже некоторой тревогой сказал Президент. – Это у вас что – специальное направление в разведке, за нашим миром наблюдать?

– Нет, не волнуйтесь, пожалуйста. Такой подкованный, пожалуй, только я. По известной причине. Ещё два десятка человек бывали на вашей стороне эпизодически. Всего о существовании «другой России» осведомлено человек двести, наверное, причём интерес у них либо весьма научный, историко-политический, либо крайне прагматический насчёт военной техники. Так что в случае расширения контактов и моя и ваша сторона находятся примерно в равном положении. Нужное количество ваших дипломатов и разведчиков смогут на нашей учебно-тренировочной базе буквально за две недели пройти ускоренный курс истории, географии и политического устройства Империи. Ну и все открытые документы, библиотеки, дальновидение – к вашим услугам. Нам скрывать нечего... от лояльной к нам элиты Российской Федерации. А опасности распространения «секретной информации» в массах теперь практически не существует. Разве какие-то *крайне продвинутые* иностранные специалисты могут заинтересоваться, так на то имеется Леонид Ефимович. Как врагу стратегическую дезинформацию *впаривать*, вас, надеюсь, учить не нужно?

Президент с Мятлевым ещё ничего не успели ответить, как свой вопрос задал Журналист, привыкший к блиц-пресс-конференциям:

– Почему – теперь?

Секонд хитро усмехнулся.

– Вы, Анатолий, в книжные магазины часто ходите?

– Ну, довольно регулярно. Обычно в «Библио-Глобус».

– Обратили внимание, какое буквально за последние год-два появилось количество фантастических романов о параллельных мирах и так называемых «попаданцах»? В смысле – из нашей реальности в вашу и наоборот.

– Видел кое-что, но особого внимания не обращал. Это вам нужно с Писателем обсуждать...

– Обсудим, будет время. Так вот я скажу – за два года у вас опубликовано более пяти-сот книг на эту именно тему. Все остальные – «космические оперы», «твёрдая НФ», как у вас говорят – почти забыты. Даже фэнтэзи несколько сдало свои позиции. У нас – примерно та же картина, только пишут поменьше, здесь вообще фантастика особого развития не получила. Кто его знает, почему. Возможно, именно ввиду отсутствия семидесяти лет советской власти стремления к эскапизму не развилось. Так что пришлось, секрет открою, многих ваших авто-

ров привлекать. «Втёмную», конечно. Просто предлагают господину-товарищу «Эн» или «Эм» роман, а то и сериал изваять на заданную тему. И гонорарчик вполне себе ничего предлагают. Потом данное творение, если более-менее прилично получилось, и там и тут продают, соответственно адаптировав. Часто – с успехом.

– А какое это вообще имеет отношение?... – спросил, наконец, Президент.

Секонд рассмеялся.

– Да самое прямое. Классическая операция прикрытия. Это вы Фёсту спасибо скажите. Ему после попадания в имеющуюся бифуркацию особенно делать нечего было, кроме как о дальнейших судьбах Отечества размышлять и доступные изучению реальности сравнивать. Две наших, и ещё две с половиной сильнее отличающиеся. Вот и пришла в голову идея радикального решения вопроса. А всякое дело требует идеологической подготовки, о чём у вас последние двадцать лет как-то подзабыли. Хотя исторический опыт вроде имеется. Им мой аналог и воспользовался. Совсем немного целенаправленной работы с писателями и издателями, не слишком большие финансовые вложения – и пожалуйста. Из того, что ваш друг Генрих двадцать лет назад начинал на отечественную почву прививать, причём не слишком успешно (кстати, и Вадим, и я все его книги прочли), такие вдруг плоды выросли... Теперь любое маломальски приличное издательство если десяток книг об альтернативных Россиях не напечатает, так вроде и зря существует...

– Понятно, – сказал Журналист. – Я ведь не договорил. Я действительно специального внимания на этот момент не обращал, а вот Генрих, помнится, ругался последними словами как раз по поводу такой, можно сказать, эпидемии. Мало что саму идею до предела опошлили, так теперь и он, получается, всего лишь один из многих «райтеров» этого типа. Обидно. Думаю, ему будет приятно теснее пообщаться с автором и исполнителем этой *подлянки*. Одним словом, получается, это вы с вашим братом такую дымовую завесу и психологический фон создали. И теперь, начини кто о параллельных мирах всерьёз говорить, сразу диагноз поставят...

– Именно так. Это одна сторона. А вторая...

– Тоже понятно. *Оспенная вакцинация*...

– Сообразительный вы человек, Анатолий. Думаю, вам не только у себя, у нас тоже работа найдётся. Именно прививка. Поэтому мы своими делами ещё очень долго можем спокойно заниматься, а когда время придёт – у широкой публики никакого шока не будет. Параллельный мир? Ну и что тут такого? Про это все давно знают... Мне Фёст рассказывал, как *наш общий* отец в *его* мире отреагировал на сообщение о высадке Армстронга на Луну. Да и большинство окружающих – тоже. Вот полёт Гагарина – это была сенсация, а Луна всего через восемь лет – уже рутина.

Пассажирам второй машины любоваться красотами вечерней столицы было некогда. Девушки наперебой изложили старшему товарищу свою идею, присовокупив, что Мятлеву она очень даже понравилась.

– Чего ж не понравится, – усмехнулся Фёст, вольготно раскинувшись в одиночку на широком сиденье, расположенном в передней части салона, спиной по ходу движения. Не совсем удобно, но такие уж здесь вкусы – планировка современного автомобиля повторяет схему старых экипажей. Зато девушки устроились просторно, с полным комфортом – ноги вытянуть можно, от встречного ветра спереди защищает водительская кабина, с боков и сзади – сложенный тент. Между сиденьями – откидной столик с пепельницей, мини-баром, холодильником для воды и соков. Недешёвое удовольствие – нанимать такие таксомоторы, не по километру, а «на время», но уж чего-чего, а денег Фёст с Секондом не считали, в их распоряжении имелись суммы, ради которых целая толпа олигархов «пошла бы на любое преступление даже под страхом виселицы», как написано у Маркса.

– Ему, конечно, понравилось. Нашими руками завтра власть себе вернёт, с врагами и соперниками рассчитается, после чего тепло поблагодарит за помощь и пошлёт на... Тебя, может, и не пошлёт, – издевательски поклонился Герте, прижав ладонь к сердцу, – а нас – очень даже. Чтобы «начать отношения с чистого листа». Как считаешь? – обратился он к Людмиле. – Или ты тоже обеими руками – «за»?

– Ну, я не знаю, – смутилась Вяземская, – поначалу мне показалось – правильно Герта предлагает. Мы же ведь за них воевать согласились? И я с Журналистом, и вы все потом на даче у Президента... – Она как-то растерянно посмотрела сначала на подругу, потом на Фёста. – А сейчас ты сказал, и я по-другому посмотрела...

– Неужели до вас сразу не дошло, в чём смысл всех наших «подвигов»? – тоном учителя, уставшего вколачивать в головы туповатых школьников какую-нибудь математическую теорему. – А Секонд должен был просветить...

– Это он Уварова с его Настей, может, и просвещал, – резковато ответила Герта, поняв, что не просто так Фёст говорит, знает, о чём и почему. А ему после боя на истринской даче она инстинктивно доверяла больше, чем своему непосредственному начальству. Уварова же с Анастасией она приплела просто так, от досады, невзначай проявив скрытый комплекс. Сама она на Уварова никаких видов не имела, но ощущала какое-то раздражение оттого, что Вельяминова, во всём остальном весьма резкая девушка, слишком часто смотрит на подполковника взглядом... В общем, слишком уж откровенно смотрит, добро бы – только за пределами части и служебного времени. Людмила на Фёста, впрочем, тоже. Но здесь всё совсем иначе. После того, как Герта спасла командира, она испытывала к Ляхову-первому несколько своеобразное чувство и, в общем-то, радовалась, что отдала человека, получившего от неё «вторую жизнь», в хорошие руки⁷.

– Значит, не счёл важным с вами эту тему поднимать. Да и с Уваровым, скорее всего, тоже не беседовал. Придётся мне. Вы девушки служивые, вам нравственных категорий касаться не по чину, и волновать они вас не должны, тем более, если совсем не вашего мира касаются. Это мне рефлексировать полагалось бы, с общеморальной точки зрения глядя...

Фёст закурил, что всегда делал, когда принимался философствовать или кого-то в чём-то убеждать. Наверное, у Удолина научился, тот даже лекции в университете читал с зажатой в пальцах дымящейся папирсой.

– Державе, которой вы служите, совершенно не интересно, чтобы вы своими силами или с дополнительной помощью помогли властям РФ *самостоятельно* справиться с мятежом. И мне, хотя и тамошнему уроженцу, это тоже не нужно. Подумайте сами – зачем нам восстановление и консервация имеющегося государственного устройства? Оно хоть и лучше всего, что предыдущие несколько столетий существовало, но уж если начало сыпаться – и бог с ним. Мертвецов обратно с кладбища не носят. Если появился шанс – так надо его использовать с максимальной пользой. Для того и придуман «Мальтийский крест», который ваш господин полковник курирует. Сами подумайте – ну, искореним мы завтра верхушечный заговор, виновников к стенке поставим, всю полноту власти милейшему нашему Президенту и заодно господину Мятлеву на блюдечке с голубой каёмочкой вернём. И что? Думаете, они хоть какие-то уроки извлекут? Крайне сомневаюсь. Даже такой перекладки руля, как после ГКЧП в девяносто первом, не произойдёт. А зачем? И так всё снова хорошо. Крупный бизнес – при своих, чиновники – тем более. Для тех, кто выживет, – даже лучше, вакансий много откроется. А я, можете смеяться, но – идеалист. И хочу, чтобы Россия раз и навсегда таким государством стала, чтобы я им непрерывно и круглосуточно гордился. Вот как вы своим. А для этого нужно, чтобы нынешний господин президент (поскольку лучшего сейчас на примете не имеется), из

⁷ В некоторых восточных культурах спаситель несёт за спасённого пожизненную ответственность, если сделал это без его просьбы. Если просьба имела место, получает некоторое вознаграждение – и свободен.

последних сил, кровью, пардон, харкая, из этой заварушки выбрался, как ваша Россия в девятнадцатом году из Гражданской войны. Тогда, глядишь, поймёт кое-что...

– А не поймёт? – с острым любопытством спросила Герта.

– Тогда пожалеем его и перейдём к следующему пункту нашего плана. Второй Керенский и второй Горбачёв России ни к чему. И тех выше крыши хватило. Уж лучше Корнилов Лавр Георгиевич.

Глава вторая

То ли волею неких высших по отношению к человечеству и всему историческому процессу сил, то ли из-за сцепления обыкновенных случайностей (которые, по Энгельсу, есть всего лишь «непознанные закономерности») в Замке, в кабинете Арчибальда и прилегающих помещениях, этой ночью собралось множество очень разных людей. Занимавшиеся своими делами и потому не слишком ориентирующиеся во вновь переменившейся обстановке Басманов и Сильвия, Уваров и Анастасия, Катранджи и Кристина, Удолин. Вторую группу образовывали обретшие новый опыт и даже новое самоощущение Мария, Марина, Инга, сумевшие самостоятельно или с чьей-то благожелательной (или просто весьма прагматичной) помощью обуздать ставшего вдруг совершенно зомбиобразным Арчибальда. И третья компания – не имеющие никакого отношения к эзотерике, межвременным перемещениям и играм реальностями, отчего и совсем ничего не понимающие Юрий Бекетов, Николай Карташов, три брата Кузнецовых – Егор, Ваня и Саня, да ещё восемь человек вообще статистов – пошедшие с отставным штабс-капитаном на штурм крюйт-камеры крейсера «Гренвилл» безымянные волонтеры. Подобие футурошока они, безусловно испытали, но шок этот был скорее приятный. Любой почти вариант гарантированной жизни заведомо лучше перспективы близкой смерти. Так что едва ли права Долорес Ибаррури со своим: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». С колен так или иначе можно подняться, а из могилы – едва ли.

Вот и здесь – из душных, пахнущих краской, ржавчиной, затхлой трюмной водой отсеков, где вот-вот предстояло принять неравный бой с экипажем целого крейсера, поставившие жизнь на последнюю карту люди каким-то пока необъяснённым образом перенеслись в просторное, светлое, наполненное заманчивыми запахами помещение сказочной красоты.

Скандинавской мифологией никто из спасённых не увлекался, поэтому нескольких, разных, но одинаково прекрасных, явно дружелюбно настроенных девушек вызвали ассоциацию скорее с гуриями из мусульманского рая, нежели с теми, кем они были на самом деле – валькириями. Правильность последнего тезиса подтверждал и огромный круглый стол, накрытый, как, наверное, в царском дворце для пасхального разговения⁸, и за спинками стульев стояли готовые к услугам самые настоящие лакеи.

«Своим» объяснять суть происшедшего пришлось Маше Варламовой, вдруг ставшей моральной предводительницей их независимой троицы, а за счёт успешного освоения пока недоступных другим тайн блок-универсала получившей преимущество и над всеми остальными. В некотором смысле над Сильвией тоже. Если и не за счёт информированности (пределы её знаний оставались девушкам неизвестны), так хотя бы решительности и готовности к неожиданным и «статусом не предусмотренным» действиям.

Они все отошли в дальний угол обеденного зала, так, чтобы их не могли слышать «гости», с которыми теперь неизвестно, что и делать.

– Ну-ка, подожди, Мария, – прервала её Сильвия, выслушав больше половины рассказа-доклада. – Хочешь сказать, что просто так взяла и догадалась, как использовать кодовые клавиши? Непонятно. Какие-то вы слишком умные стали. Сначала Анастасия со своим блоком чуда начала вытворять, теперь ты... А ведь я уже говорила – система управления блок-универсалом активируется только в пределах уровня компетенции владельца. Мало того, что тыкай ты наугад пальцами в кнопки хоть тысячу лет – случайно необходимую именно в

⁸ Нынешний читатель может получить некоторое впечатление, посмотрев передний и задний форзацы «Книги о вкусной и здоровой пище» 1952 г. издания. Так, по замыслу заказчика книги (И. В. Сталин), должны были питаться все советские трудящиеся.

данный момент команду не наберёшь. Так даже и случись такая немыслимая флюктуация – блокировка сработает. Не положено – значит, не положено.

– Это мы всё знаем, Сильвия Артуровна, – дерзко ответила Мария, – только вот какая штука, я от нечего делать придумала, как полную таблицу кодов управления блоком открыть...

– Что-о??? – Сильвия была поражена не меньше, чем какой-нибудь Парацельс, на глазах которого нерадивый ученик вдруг взял да и синтезировал из подручных реактивов философский камень.

– Полную таблицу? Её даже я ни разу не видела...

– Места знать надо, – с усмешкой лёгкого превосходства вставила Марина и при этом из-под ресниц просила хитрый взгляд не на Сильвию, а на Басманова.

– Беда в том, – продолжала Маша как ни в чём не бывало, – я аггрианского языка почти не знаю. Так что расшифровала кое-что и кое-как... Правда, и этого хватило.

– Да откуда ты хоть что-то знаешь, такая умная... – снова удивилась-возмутилась Сильвия. Она себя сейчас чувствовала крайне дискомфортно. Сколько служит, а за полтора года не узнала того, что эти девчонки за какие-то полгода-год «человеческого» существования. Да и с Арчибальдом! Разыскивала ноутбук с записями Скуратова, сидела, формулы перехвата каналов управления от Замка к роботу выводила, все силы собрала для решающего боя, а тут – на тебе! Враг повержен без твоего участия, причём примитивнейшим образом – нажатием пары кнопок на таком же «портсигаре», что сама она с девятнадцатого века при себе носит... Ощущение куда хуже того, что испытывает человек, с разбега ударивший плечом в отпертую дверь!

– Я не умная, Сильвия Артуровна, я сообразительная. Вспомнила всё, что при мне Лихарев говорил и делал, не считая нужным скрывать свои упражнения и прятать рабочий дневник от «дурочки недоделанной», а оно вдруг и пригодилось.

– И Лихарев многое из того, до чего ты «додумалась», знать не мог. Не должен был. Он на целых два ранга ниже меня...

Сильвия оборвала фразу, нахмурилась, тяжело вздохнула.

– Что-то не то последние годы у нас на Таорэре творилось. Отстала я за сотню лет. И Дайяна мне ничего не сообщала о «новых веяниях». Или это опять последствия «несоблюдения ритуала похорон»?⁹ Ну, ладно, хрен с ним, как говорится. Значит, сейчас ты на уровне как минимум Дайяны с блоком работать можешь. Не знаю, чем это всё закончится, но пока спасибо тебе. В ближайшее время нам всем очень кисло бы пришлось. *Моя бывшая* система была, конечно, совсем не идеальная, но всё же сумасшедшие железки властелинами мира себя не объявляли...

– Это вы, Сильвия, правильно сказали, – поддержал её Удолин. – Самая лучшая магия иногда бессильна против обыкновенной ручной гранаты.

– Значит, нечего где попало гранаты разбрасывать, – жёстко сказал Басманов. – С этим делом у Андрея Дмитриевича и Александра Ивановича куда больше порядка было, а без них подрапустились...

Возразить полковнику никто не взялся, да и что возразишь? Только Марина в очередной раз подумала, что не ошиблась, обратив внимание на Михаила Фёдоровича. Вот таким и должен быть настоящий мужчина, боевой офицер. В сравнении с ним и Уваров, и даже Ляхов выглядят не так, чтобы очень...

– Это замечание меня касается? – с ангельской улыбочкой осведомилась аггрианка.

– Нет, это я порядке напоминания об основных принципах техники безопасности, – ответил ей Басманов.

⁹ Сильвия вспоминает конфуцианское умозаключение: «Этот полководец проиграл так много сражений оттого, что не был должным образом соблюден ритуал его похорон». Имея в виду фактор воздействия «информационной бомбы» на предшествующие события (см. роман «Одиссей покидает Итаку»).

– Может быть, оставим эту тему до следующего раза, – спросил Уваров, вообще ничего не понявший в предмете разговора ещё более высокопоставленной, чем он понял вчера, дамы с его подчинёнными. При этом он смотрел на возбуждённо о чём-то дискутирующих «гостей», так и не решающихся без команды сесть за стол, несмотря на страстное желание добратся наконец до крайне заманчивых бутылок и иных сосудов. – Меня куда больше интересует, что нам делать с этой публикой...

– Что делать? Для начала побеседуй с их старшими, по отдельности. Их, как я понимаю, двое, вон тот и тот, – указала Сильвия рукой. – Намного образованнее других выглядят, да и держатся с достоинством, почти совсем не растерялись. Вон тот, древнеславянский типаж, наверняка офицер. С одним ты, с другим пусть Анастасия с Марией. Их же учили экспресс-допросам в полевых условиях. А мы пока тоже посоветуемся, подумаем, – сказала она, имея в виду себя, Басманова и Удолина. Остальные оказывались как бы вообще ни при чём. Хотя впрямую этого сказано не было, Ибрагим догадался (прирождённый лидер мирового уровня всё же), и почувствовал себя задетым.

– Что тут советовать, я уже знаю, как быть, – деловым тоном сообщил он, с какой-то восточной насмешкой глядя на леди Спенсер.

«Интересное дело, у них тут с этим турком какие-то свои счёты, – подумал полковник Басманов. – Но меня они не касаются. Для меня сейчас Катранджи – официальное лицо, а Си – просто заехавшая в гости знакомая. Пусть меня в свои разборки не втягивают».

– Я тоже с гостями побеседую. Интересно, что там и как у них случилось... – сказал он.

– Хорошо, – не стала спорить Сильвия. – Занимайтесь. Тогда мы с Константином Васильевичем и Ибрагимом Рифатовичем сосредоточимся на нашем милом хозяине. Вся сложность в том, чтобы лишить его всяческих намёков на «свободу воли» и желания реванша, но сохранить в целостности структуру личности, оперативную память и, так сказать, интеллект.

Совершенно случайно получилось так, что один из двух «предводителей», именно тот, кого Сильвия назвала «древнеславянским» и с которым Маша переглянулась, ощутив памятный по первой и последней встрече с Александром Ивановичем укол в сердце (наверное, тоже одна из составляющих его «подарка»), достался для допроса ей и Уварову, а второй – Анастасии и Басманову. Прочим Михаил Фёдорович, в котором все «гости» мгновенно почувствовали «настоящего» начальника, предложил рассаживаться, наконец, выпивать, закусывать, вообще чувствовать себя «в увольнении».

– Но чтоб не упиваться, а то сразу вернётесь, откуда пришли, – завершил свои слова Михаил ровным, даже несколько рассеянным тоном, но каждый сразу понял, что так и будет. Сделает и не поморщится.

– Ты – за старшего будешь, – указал он пальцем на Егора Кузнецова, привычно угадав в нём и неформального лидера, и бывшего унтера. Послужив с его, ещё в «старой армии», любой толковый офицер этому бы научился.

На флоте нынешней Российской Державы, как и в армии, офицеры обязаны были обращаться к нижним чинам на «вы», но «у себя» Басманов с младшей роты кадетского корпуса привык к другому, оттого это «ты» прозвучало для Егора вполне естественно и протеста не вызвало.

– Есть, господин...?

– Полковник. Вольно. Отдыхайте...

Юрий Бекетов, когда к нему подошла давешняя девушка в коротких шортах, на всю длину открывающих до чрезвычайности изящные ноги, и в желтовато-зелёной рубашке навыпуск, непроизвольно сглотнул слюну. Одно дело – таких красавиц и в обычной жизни не каждому за всю жизнь удаётся встретить, а другое – обстоятельства, при которых эта встреча произошла. Лежать бы ему сейчас под куском брезента с простреленной головой. А он в двор-

цовом банкетном зале с ноги на ногу переминается, испытывая непреодолимое желание как следует угоститься, да вдобавок и на натянутую на высокой девичьей груди рубашку пялится. А девушка такая, что прямо вот сейчас пошёл бы за ней, как бычок на верёвочке, не спрашивая, куда и зачем.

– Назовите себя, – мягким, деликатным, но исключаящим всякие сомнения в её полном праве задавать *любые* вопросы голосом сказала красавица. – Имя, фамилию, воинское звание, если есть...

Юрий назвал свой подлинный чин штабс-капитана морской пехоты ТФ, хотя все, кроме Карташова, знали его как бывшего фельдфебеля. Нестыковка может выйти. Да вон, у Егора уже лицо вытянулось и глаза округлились. Но сказать неправду этой девушке не получилось, да и незачем.

Правда, подумал при этом: «Как военнопленного спрашивает. Ещё номер части потребует назвать и личный номер...»

– Ну, пойдёмте, поговорим...

Высокий загорелый парень, года на два постарше Бекетова, представился подполковником Уваровым, а девица – подпоручиком Варламовой, чем немало Бекетова удивила. Менее всего эта красотка, которой бы на дальновидении дикторшей работать или в театре-варьете выступать, походила на строевого офицера. Хотя – почему строевого? Такая «нимфа» (явно ошибся Юрий с определением) и непыльную штабную работу себе найдёт, благоволение начальства любого уровня ей обеспечено. Ещё и передерутся господа штаб-офицеры и генералы.

Коротко, но чётко Бекетов изложил свою историю, от момента увольнения с флота и вплоть до последних секунд пребывания на крейсере.

Похоже, подполковника его рассказ не столько удивил, как расстроил.

– Надо же, стоило на три дня отлучиться, а там опять большой войной запахло. Везёт нам, Маша...

– Да что вы, войной уже целый год пахнет, как будто сами не знаете, – вроде бы искренне удивилась Варламова.

– Запахи, моя дорогая, разные бывают. Иногда «Шанелью», тоненько так, а иногда дерьмом, прошу прощения, во всю силу потянет...

Юрий до сих пор не понимал, где они находятся, кто эти люди и каким образом он сам с товарищами перенёсся неведомо куда из корабельного отсека. Но приобретённая за время службы привычка не задумываться о посторонних вопросах, пока не выполнена ближайшая задача, помогала сохранять душевное равновесие и даже некоторый кураж. Уваров это заметил и оценил.

– Отвага морпехов всем давно известна, – сказал он с необидной усмешкой, – только ведь у вас думать не принято. Начальство указало, где высаживаться, начальство и заберёт, если будет кого. А вам главное – ура, вперёд, за берег зацепиться...

– А вы-то сами из каких будете? – напрягся Юрий, готовясь дать отпор. Будет ещё неизвестно кто морпехам отметки выставить.

– Мы, братец, из таких, что ты, может, и не слышал. Спецназ разведуправления гвардии «Печенег». Не в обиду будь сказано, мы бы вот с Машей да с Настей втроём весь комсостав крейсера повязали, и ни одна сволочь вякнуть бы не успела...

– Про вашу службу я кое-что слышал, – осторожно сказал Юрий. – Может, и сказки, поскольку вас официально как бы вообще не существует. Ну, вот взяли бы и показали, как у вас дела делаются... Кстати, мы вообще где и что в натуре приключилось? Знаешь, больше всего это на съёмки кино похоже, только артистам об этом сказать забыли. А так всё один в один: декорации, злодеи, немыслимые красотки и всё такое...

– Так это ещё Шекспир сказал: «Мир театр, и люди в нём актёры». Или не Шекспир? Не суть важно. Объяснения, где мы, отчего и для чего, займут гораздо больше времени, чем практическое решение наших проблем, – сообщил, усмехаясь, Уваров. – А вот насчёт показать... Идея не лишена, как думаешь, Маша?

Маша в это время была занята не только непосредственным делом, то есть фиксацией мимической и прочей моторики «объекта» на предмет определения степени его откровенности и наблюдением за наличием или отсутствием в словах Бекетова явных и скрытых противоречий. С этим пока всё было в порядке. Но она ещё и пыталась сообразить, что есть в этом парне такого, что сразу привлекло её внимание, выделило из группы достаточно разгорячённых и возбуждённых людей. Это всегда необъяснимо, но обычно и мужчины, и женщины в течение нескольких секунд если не определяют, то ощущают, имеет ли предстоящее знакомство перспективы. Именно *определённые*, потому что в девяносто девяти с десятыми долями процентах люди, начиная и поддерживая деловые, дружеские или какие-то ещё отношения, заведомо знают, что с этим партнёром *того самого* не будет. Возможна связь, даже длительная, возможен «брак по расчёту», нередко – удачный, но всё это – совершенно не то. Только в тех самых десятых долях процента случаев получается, и двое догадываются, что могут быть вместе не для каких-то банальных, отчего-то считающихся важными и необходимыми дел, а просто так. Потому что больше никто другой не скажет: «Мы – вдвоём, спина к спине против всего мира», и «До тех пор, пока смерть не разлучит нас».

Мария пока не поняла, относится ли отставной штабс-капитан к категории «её» мужчин, но то, что никто из тех, с кем сводила валькирию здешняя жизнь, не вызывал самбóй необходимости подобных размышлений, – это факт. «Медицинский факт», как говорил главный герой недавно прочитанной ею книги.

...Обстановка складывалась так, что вполне можно было бы завершить незаконченную Бекетовым и его командой акцию. Причём Басманов исходил из того, что если помочь людям можно, то и нужно, вполне резонно заметив, что никаких нежелательных последствий их вмешательство иметь не будет. Они просто помогут ребятам справиться с сопротивлением команды крейсера, после чего уйдут, позволив событиям развиваться естественным образом.

Уваров, полностью принадлежа только собственному миру, считал, что они просто обязаны сделать всё возможное для захвата крейсера и передачи его в руки Российского флота. Исходя из политических, военных и научных соображений. Одно только изучение установленного на нём неизвестного оборудования может серьёзно изменить общее соотношение сил в нашу пользу.

Тут же было решено, что всю честь захвата крейсера нужно предоставить Бекетову и его команде. Тут и ордена воспоследуют, и всякие другие блага (пленение корабля такого класса, со всем экипажем – крайне редкое событие в морской истории и, несомненно, будет отмечено достойным образом). А факт вмешательства со стороны, напротив, нужно тщательно замаскировать. Не столько от своих, как от вероятного противника и его союзников. Так что Юрию следует доходчиво объяснить свои компаньонам, что первая же попытка рассказать командованию эскадры, вообще кому бы то ни было, «как всё происходило на самом деле», не приведёт ни к чему, кроме как к длительному разбирательству и, возможно, закончится для «героев» не триумфом, а психиатрической клиникой.

Был ещё один вопрос, чисто практический, обращённый Басмановым к Сильвии: «Вы сумеете, не выпуская это чучело из-под контроля, заставить его всех нас переместить на крейсер и после завершения операции беспрепятственно вернуть обратно?» Под «вы» он имел в виду её саму и Марию, девушку, в одиночку победившую Арчибальда.

– Надеюсь, что смогу, – без иронии в голосе ответила леди Спенсер. – Мы с ним уже практически обо всём договорились. Он, как мне кажется, в обмен на сохранение за ним боль-

шей части «человеческих качеств, возможностей и способностей» в сферах, не соприкасающихся с нашими интересами, готов продолжить службу в прежней роли «материализованного духа Замка». Обеспечивать его функционирование, исполнять наши желания, вообще делать всё, что при Антоне входило в обязанности нематериальной субстанции, лишённой физического облика.

– Неужели ты готова так просто поверить? – почти ужаснулся Басманов. Ему, человеку, рождённому в позапрошлом веке, удалось, почти без потерь нравственного характера и сохранив душевное здоровье, вписаться в реалии века двадцать первого, он, пожалуй, и в 2056 году, в реальности Ростокина, сумел бы адаптироваться, но признать «договороспособность» механического устройства, только что чуть не уничтожившего их всех и, вдобавок, едва не свергнувшего мир в очередную глобальную войну... Это было чересчур! Он и «перевоспитавшемуся» вдруг врагу-человеку поостерёгся бы верить, а тут...

Сильвия поняла его настроение.

– Не бойся, Михаил. В том и дело, что Арчибалд – не человек. Просто Антон не предусмотрел возможности такой вот *персонификации* управляющих структур Замка. Он в своё время дал ему понять, что готов выполнить приказ своего «центра» о ликвидации земной базы и тем самым прекратить функционирования этого псевдомыслящего артефакта. Замку, «привыкшему» существовать на Земле именно в данном качестве и заниматься тем, чем он занимался тысячу лет, а, возможно, и гораздо больше, эта перспектива не понравилась. И он начал меняться так, чтобы своей ликвидации не допустить. Тут вдруг случилась история с отстранением и арестом Антона. Наверняка были предприняты силовые попытки извне разделаться и с Замком. Ну, тому не осталось ничего другого, как с нашей помощью вообще прервать связь со своими «Ста мирами». Благо у него уже имелся опыт, так сказать, *экстирпации*¹⁰ целой галактической цивилизации «аггров» из подконтрольной ему реальности. Сделать-то он сделал, что намеревался, но без Антона его функционирование пошло *как-то не так*. Вот Замок и создал из самого себя собственное воплощение, *нераздельное, но неслиянное*, вроде как Бог-отец взял, да и придумал себе воплощение в Боге-сыне, заодно предусмотрев и вариант автономного существования «Святого Духа». Смысла вроде никакого, но новые ипостаси расширяют *горизонт возможностей* для якобы и без того всемогущего существа, повышают его *боевую устойчивость*. Доходчиво?

Сильвия обращалась непосредственно к Басманову, Удолин стоял рядом и посмеивался, прикрывая рот согнутой ладонью. У него, кажется, были какие-то собственные соображения на эту тему.

– Вполне доходчиво, – вежливо кивнул полковник, не став обращать внимание дамы на элементы кощунства в её рассуждении.

– Теперь я поняла и знаю, как позволить Арчибалду существовать почти в прежнем качестве и исключить с его стороны всякую самостоятельность. Не зря мы с тобой потрудились...

Басманову, воспитанному в строгих правилах и до сих пор не избавившемуся от некоторых *архетипических стереотипов*, показалось, что фраза прозвучала несколько двусмысленно. Он машинально поморщился. Сильвия это заметила и в ответ улыбнулась самым невинным образом. Впрочем, кроме них двоих, никто на зацепившую полковника фразу внимания не обратил. Разве что Удолин ощутил небольшое возмущение в контролируемых им сферах.

– Великий теоретик, знаток нечеловеческих логик Скуратов не успел догадаться, как с Замком и его «эффектором» бороться, – продолжила как ни в чём не бывало Сильвия, – а я – придумала. И никакого насилия не требуется, как мы раньше планировали, всё будет тихо и вежливо...

¹⁰ **Экстирпация** – удаление, вырывание, даже – выдиранье чего-либо (лат.).

Судя по голосу и мимике леди Си, она сейчас была собой чрезвычайно довольна.

– Да тут, собственно, ничего странного и нет, – подумав, сказал Басманов, – профессора педагогики сотни томов написали насчёт воспитания «гармонической личности», а иной сверхсрочный унтер один раз новобранцу по зубам засветит, в нужный, разумеется, момент, и такой потом солдат получается – любо-дорого смотреть.

– Умеешь ты, Михаил Федорович, комплименты говорить, – она с ещё более милой улыбкой похлопала полковника ладонью по плечу, – а по сути ты прав, конечно. В конце концов, большинство великих открытий сделаны чисто эмпирическим путём, а не по утверждённым планам ТРИЗа¹¹.

– Причём, что очень интересно, догадались о том, как применить против Арчибалда свой блок-универсал, отчего-то не вы, а эти девушки. Не первый за истекшие сутки раз, прошу отметить, – вмешался Удолин, – из чего следует, что не в вашей вообще технике дело. Просто кому-то потребовалось, чтобы в нашей истории именно эти прелестные создания сыграли главную роль, для чего он и наделил их соответствующими дарованиями. В противном случае...

– Не хочу с вами спорить, Константин, только скажу – у меня на генетическом уровне существуют крайне мощные предохранители – то-то и то-то я не имею права делать ни при каких обстоятельствах, а девчонки этих предохранителей не получили. Дайна ли тут виновата или Лихарев – не знаю, и разбираться сейчас не имею никакого желания. У нас есть дела практические и неотложные... – ответила Сильвия резче, чем имела обыкновение говорить со старшими рыцарями Братства.

– Не имею никаких возражений, только не упускайте из внимания, что ваши «предохранители» один может поставить, а другой – снять. Вот в чём все дело, а «техника» сама по себе – тьфу! – по привычке оставил за собой последнее слово некромант.

И Сильвии вдруг всё стало понятно. Профессор будто убрал пелену, не с глаз, а с мыслей. «Один – поставить, другой – снять!» Вот в чём дело. Она как-то в своё время совершенно не придавала значения словам Наталии Воронцовой о том, что три девушки из семи успели *близко* пообщаться с Шульгиным, Новиковым и Левашовым. А уж те, точнее – Александр с Андреем, вполне могли наградить «недоделок» подобными способностями. В собственных целях, естественно, и только при условии, что почувствовали в случайных партнёрах эти самые, *латентные* тогда способности. Крайне опрометчивый, на её взгляд, шаг, но разве можно противиться воле «кандидатов в Держатели Мира»? Она лично один раз попробовала – того урока до сих пор хватило¹².

– Ну а как всё же работать будем? – спросил Басманов, чтобы прекратить не совсем ему понятный и явно неуместный спор между представителями двух противоположных «философских систем».

– Можно, конечно, прямо отсюда нейтрализовать, парализовать и вообще сделать что угодно с экипажем крейсера. Русская эскадра подойдёт и захватит корабль, с командой в семьсот идиотов и двести неизвестно как оказавшихся на нём русскоязычных штатских (тоже в состоянии *острой инфекционной деменции*¹³). Но выглядеть это будет крайне... неубедительно, – Сильвия вопросительно посмотрела на Михаила, словно действительно была обычной женщиной, ждущей ответа и решения от куда больше понимающего в таких делах военного мужчины.

¹¹ ТРИЗ – теория рационализации и изобретательства, разработана в 60-е годы XX века Г. Альтшуллером (он же советский писатель-фантаст Альтов).

¹² См. роман «Бульдоги под ковром».

¹³ Пародийное выражение, поскольку деменция, то есть слабоумие, чаще всего старческое, ни острым, ни заразным не бывает.

Басманов принял игру. Он окончательно решил напрочь забыть то, что на шестой год знакомства спонтанно случилось между ним и агтрианкой (пусть и оставило самые яркие и глубокие впечатления) и отныне держать себя с ней не иначе как с женой хорошего друга и старшего товарища.

– Совершенно верно, миледи. Поэтому, если Арчибальд или ты организуешь нам возвращение туда, – он махнул рукой в сторону кабинета с «разрезным макетом крейсера в натуральную величину», – в тот самый момент и тот отсек, где находились наши гости, мы сумеем несколько удивить гордых бриттов...

– Конечно, сделаем. Дальше?

– Дальше я, Уваров, девушки и гости немного там побезобразничаем. Чтобы бритты не вздумали в приступе исторического героизма взорвать крейсер, к примеру, или избавиться от аппаратуры и лишних свидетелей...

– А зачем тебе «гостей» с собой брать?

– В качестве проводников, консультантов и для убедительности, само собой. Пусть как следует постреляют, пропахнут порохом, в нужное боевое настроение придут. Тогда им и врать не придётся, что это они всё сами учинили. Через неделю так в свои подвиги уверуют – хоть на детекторе лжи проверяй. А мы вроде как на подхвате побудем. Опять же – отработка легенды на местности. Когда за них дознаватели возьмутся – не растеряются, сумеют рассказать и показать, где кто стоял и что делал...

– Неплохо бы, для той же убедительности, чтобы у них хоть какие потери были, а то уж слишком театрально выйдет... – вполне серьёзно сказала Сильвия и на негодующий взгляд Басманова, едва не успевшего достойно ответить, что он по поводу таких идей думает, спокойно продолжила: – Ты, может, не в курсе, но в самом начале Второй мировой, когда немцы уже доколачивали французов, маршал Петэн приказал бросить во встречный бой совершенно неподготовленную танковую бригаду. На недоумённый, как у тебя сейчас, вопрос де Голля, тогда комдива, ответил: «Не может же Франция всю войну нести потери только пленными!» Вот и в нашем случае подобная ситуация, хотя и с обратным знаком. Ну кто поверит, что десяток, даже сотня, штатских захватили боевой корабль без единой потери...

– Можешь сама этим и заняться, – скривил губы полковник. – Прикинь, сколько покойников создадут достаточную убедительность – и действуй...

– Не передёргивай, *Миша*, – жёстко ответила Сильвия, – а то я подумаю, что у тебя нервы не в порядке. Главное, ты сам с девочками под пули не подставляйся, а остальное пусть будет, как будет. Или вообще бросаем эту затею... Тогда уж точно всё будет исключительно по *высшей справедливости*.

– Ладно, оставим, – махнул рукой Басманов, подумав, что действительно нахватался последнее время всяких *либеральных идей* вроде тех, что всё чаще звучат в Югоросской прессе: «Права личности выше интересов государства» и в том же духе. А ведь сам шесть лет подряд не стеснялся людей и в разведку боем посылать, и в прикрытия на верную смерть оставлять, вообще убивал без счёта, и немцев, и австрийцев, и своих, русских, – всё равно ему было, кто «в то время» в поле зрения бинокля попадался, когда он батареею на огневые позиции выводил. И после той войны – тоже. Чего уж теперь? Правда, на настоящей войне всё звучит и выглядит не столь цинично.

– Ладно. Действительно, кому что на роду написано... А ты отсюда наблюдай и в соответствии убедительную для флотских командиров и тамошних контрразведчиков легенду конструируй. Чтобы все подозрительные прорехи в легенде, какие в ответах наших подопечных на допросах непременно выплывут, превентивно заткнуть. Тут всё учесть придётся – кто за кем бежал, кто куда стрелял и из чего. Ладно, я уже кое-что придумал, потом помогу...

Он махнул рукой Уварову, приглашая его к себе, вместе с Марией и допрашиваемым.

– Ну, как у вас отношения складываются? – спросил Басманов Валерия.

– Да нормально складываются, обстановка в общем и целом понятна, рассказанное штабс-капитаном Бекетовым вопросов не вызывает.

– Это хорошо. Но слова словами... Как вы, господин капитан, к делу относитесь? Начатое обычно следует доводить до конца... – обратился он к Бекетову, излишне напряжённому, на его взгляд.

– То есть вы хотите сказать – обратно туда? – не дрогнув лицом, спросил Юрий. – Оружие приличное дадите – пойдём.

– С оружием проблем никаких. Только ведь из ваших, кроме унтера Кузнецова, военных людей нет? Как же вы их на убой вести собираетесь? Я вам предоставлю что угодно, вплоть до ручных огнёмётов, а кто ими пользоваться будет? Вы чем последнее время командовали?

– Ротой.

– Ну, значит, должны понимать. На такие дела и из кадровой роты не каждого возмёшь, так?

– Правильно говорите, а что делать? Если сумею дверь без шума открыть, штук пять гранат в отсек закинуть, так дальше справимся...

– Ну-ну, – с сомнением сказал Уваров. У него тоже имелся весьма солидный опыт, в том числе и с бросанием гранат куда придётся. Эти гранаты ему надолго запомнятся¹⁴. – Я бы не проявлял такой самонадеянности. Тебе-то воевать приходилось?

– Да нет, бог миловал. Я только на своём театре служил. У нас японцы после восемнадцатого года ни разу не высаживались и с китайцами без моего участия в «Харбинском инциденте» управились.

– Тысяча девятьсот? – счёл нужным уточнить Басманов. В его реальности японцы тоже заняли российский Дальний Восток в апреле этого года. Значит, до этого момента реальность и с этими парнями у них точно общая, не какая-нибудь четвёртая или пятая.

– А какого же ещё?

– Да много в истории восемнадцатых годов было, – с неопределённой усмешкой сказал Басманов.

Бекетов не понял командирской иронии, не до тонкостей сейчас было. Но вообще, нутром и костным мозгом Юрий ощущал, что этот полковник – какой-то не такой. Вроде всё на месте, и по-русски говорит правильно, видно, что офицер, причём боевой, с огромным опытом, а в то же время странная от него исходила аура. В этом смысле подполковник Уваров был чист и прозрачен до доньшка. Спецназ – он и есть спецназ, но – свой, и обращаться Бекетову было куда проще и удобнее к нему, чем к Басманову.

– Ну, когда-то начинать всё равно придётся, – с оптимизмом сказал Уваров. Оружие мы вам попробуем найти. Стрелять и гранаты бросать будете не когда захочется, а когда прикажу. Девушки, имей в виду, тоже все офицеры, и их команды столь же обязательны, как мои. Всё правильно сделаете – ещё поживёте и дырки для орденов вертеть будете. В случае самостоятельности – не гарантирую. Доходчиво?

– Так точно, господин полковник, – щёлкнул каблуками и вытянулся Юрий.

– Тогда построь свою братию, инструктаж проведу. Ты, Варламова, забирай весь личный состав, бегом переодеться, и в полной боевой – сюда. Господину капитану и его гвардии тоже чего-нибудь подберите...

– Так я не знаю, господин полковник. У нас лишнего ничего нет, разве свои пистолеты можем отдать, и гранат штуки по три. Остальное – наше штатное. Разве у лётчиков забрать?

Уваров впал в задумчивость, о том, что оружия может не хватить, совсем не подумал. Да и у него самого, кроме служебного «Воеводина», ничего. Положился на слова Ляхова, что всю охрану возьмут на себя люди Басманова. Девушек по привычке заставил прихватить с собой

¹⁴ См. роман «Дальше фронта».

полный полевой комплект снаряжения, а сам отправился налегке, в летней полевой форме да с «тревожным чемоданчиком». А теперь вот – проблема.

– Вот это как раз не вопрос, – вмешался Басманов. – С оружием в Замке полный порядок. Вы что из стрелкового предпочитаете, капитан? – обратился он к Бекетову.

– Честно говоря – пулемёт РПД...¹⁵ Но в отсеках с ним поворачиваться сложно. Так что устроит хоть ППД, хоть ППС. В наших условиях лучше ППД с круглым диском. Если возможно, конечно. Гранаты любые, но побольше. Предпочитаю ФК¹⁶. Ну, а пистолеты у нас есть свои. В предстоящем бою вряд ли пригодятся. Так, на крайний случай...

– Молодцом, капитан, чувствую профессионала. Сильвия Артуровна, прикажите нашему «домоправителю», пусть найдёт и принесёт три ППД, шесть полных дисков и полсотни гранат указанной системы. Ещё – одиннадцать ППС и по четыре магазина, – попросил Басманов аггрианку.

– А почему не всем ППД? – спросил Бекетов.

– Вы со своими орлами хоть одно занятие проводили? Уверены, что хоть кто-то знает, что делать, если в диске утыкание патрона произойдёт? А с ППС любой справится, только покажите, где нажимать спуск и когда отпускать...

– Извините, не подумал, господин полковник.

Сам Басманов тоже собирался «сходить на дело». Повоевать как следует, в роли рядового бойца, а не старшего командира, ему давно хотелось – вспоминалась Гражданская и занятия с инструкторами в школе рейнджеров «имени А. И. Шульгина», да всё никак не получалось. Приходилось больше планировать и осуществлять операции масштаба полк – дивизия, как на недавней англо-бурской войне. А лет-то полковнику всего тридцать три, самый возраст для таких развлечений. Когда-то давным-давно, в двадцать семь, Михаил считал, что четырёх лет Мировой и двух – Гражданской ему хватит на всю оставшуюся жизнь, а вот, оказывается, не хватило. Так, недавно родившие женщины горячо всем доказывают, что никогда больше таких мучений переживать не собираются, и, главное, сами в это свято верят, а проходит некоторое время – и снова испытывают к этому делу непреодолимую тягу.

Тем более сейчас у полковника появился ещё один важный стимулирующий фактор – Марина. Где и «проявить себя» перед нравящейся девушкой, как не на «короткой, победоносной войне»? Какими они все – подпоручики, корнеты и мичмана «царского выпуска» четырнадцатого года¹⁷ – были бы молодыми героями и завидными женихами, закончись та война «до осеннего листопада», как и планировалось что в Русском, что в Германском Генштабах!¹⁸

Сейчас Михаил, выбросив из памяти образ «Сильвии в постели», как и раньше умел забывать свои ничего не значащие короткие, часто одноразовые «связи», смотрел на девушку ясным и честным взором, предполагавшим самые серьёзные намерения.

Он решил в предстоящей схватке всемерно прикрывать Марину, не допуская ни малейшего риска для её драгоценной жизни, и не подозревал, что именно ту же задачу поставила себе валькирия, преклоняющаяся перед боевым опытом и героизмом полковника, но считая, что её

¹⁵ РПД – ротный пулемёт Дегтярёва, образца 1955 г., калибр 7,62, конструктивно напоминает пулемёт РП-46 нашей реальности.

¹⁶ Ручная граната ФК-2, аналог всем известной Ф-1, но в керамическом корпусе и с двумя взрывателями, «нормальным» и ударным, мгновенного действия.

¹⁷ В предвидении начала Мировой войны специальным царским приказом в июле 1914 г. юнкера старших рот военных училищ, Морского и Пажеского корпусов были досрочно произведены в офицерские чины без выпускных экзаменов. Басманов, окончивший Михайловское артиллерийское училище третьим по успеваемости и дисциплине, был выпущен в Гвардию.

¹⁸ Все стороны предстоящей Мировой войны рассчитывали на скоротечную, двух-трёхмесячную маневренную кампанию, отчего и боеприпасов было заготовлено в расчёте на эти сроки и на указанный характер боевых действий. В результате Россия уже к началу пятнадцатого года столкнулась с жесточайшим «патронным и снарядным голодом». Германия тоже, но в меньшей степени, благодаря более развитой военной промышленности.

подготовка в предстоящем деле больше соответствует обстоятельствам, нежели его фронтовые навыки.

Арчибальда, уже приведённого к нужному знаменателю, поручение нисколько не затруднило, он вышел из зала и вернулся буквально через пять минут в сопровождении трёх слуг, несших автоматы, сумки с дисками и рожковыми магазинами, ящики с гранатами и запалами. А также необходимое количество поясных и плечевых ремней. Жаль, что в мире Уварова ещё не додумались до жилетов-разгрузок и всю амуницию, включающую штыки или ножи, патронташи, лопатки, фляги и пистолетные кобуры носили на «адриановском снаряжении»¹⁹.

Пока мужчины разбирались со своим вооружением и амуницией, девушки бесшумно исчезли и вернулись уже «по полной боевой». Вызвав восхищённое удивление (или удивлённое восхищение) даже у Бекетова, который в принципе имел представление о существовании где-то в столице подобного спецназа. Что уж говорить об остальных! Валькирии и раньше, полуподетые в штатское, выглядели привлекательно, но всё же не очень, не принципиально отличались от прочих симпатичных девиц с хорошими фигурами. Сейчас же перед ними предстали именно девы-воительницы, чем-то даже страшные в своей грозной боевой красоте. Не должно быть в природе такого сочетания. Разве что в животном мире, точнее – в мире насекомых, такое встречается – красота форм и раскраски в сочетании с приспособлениями для быстрого и эффективного убийства. Причём беспощадного и одновременно равнодушного. Волк или леопард терзает свою добычу с очевидной яростью, рычанием, азартом, а какая-нибудь ярко раскрашенная паучиха перекусывает жука, муравья, а то и своего недавнего партнёра – паука мужского пола – чисто по Маяковскому, «чувств никаких не изведав».

По крайней мере, что-то подобное подумал Бекетов, когда увидел привлекающую его внимание девушку в изящно подогнанном по фигуре камуфляже, с перетянутой ремнём тонкой талией, при автомате и прочих аксессуарах, рационально пристёгнутых и прицепленных именно там, где нужно и наиболее удобно. И всё это смертоубийственное снаряжение сочеталось с прекрасными волосами и большими бирюзовыми глазами, в которых нельзя было прочесть и намёка, что их владелица через несколько минут будет смотреть через прицел или вверх, стрелять и гарантированно попадать.

Юрий ещё отметил, что у всех пяти девушек глаза были похожи. Величиной, живостью, яркостью и, главное, цветом. У всех – необычным: бирюзовые в голубизну у Марины, сапфировые у Маши, насыщенно изумрудные у старшей, Анастасии. Так ведь не бывает! А где нормальные – голубые, серые, карие?

Унтер Кузнецов подобными мыслями не заморачивался. Женщины, с его точки зрения, имели одно, всеобъемлющее и конкретное предназначение, а если им ещё и воевать вздумалось – пусть. Посмотрим, что получится. Больше его волновало другое. Он негромко сказал Юрию, которого сейчас стало как-то неудобно называть на «ты», раз они вроде бы возвращаются на службу, а тот – в офицерских чинах:

– Слышь, командир, я-то в автомате не очень. За всю службу три раза в руках держал. Может, пистолетом и гранатами обойдусь?

– Ни хрена, справишься, – легкомысленно махнул рукой Бекетов. – Тут всех делов – стреляй в сторону противника, очередями патронов по пять, не больше, но часто. Счёт выстрелам простой – спуск нажал, быстро про себя «раз» сказал – и отпустил. Как раз те самые пять-шесть и выйдут. Осечку даст – затвор передёрни, и дальше... Да ты не переживай, судя по

¹⁹ «Адриановское снаряжение» – по имени русского офицера Адрианова (он же изобрёл армейский компас с делениями лимба в градусах и артиллерийских «тысячных», каску защитную образца 1916 и т. п.) – всем известные по фильмам и картинкам кожаный поясной ремень с двумя портупоями, спереди параллельными, сзади перекрещивающиеся через центральное металлическое кольцо.

всему, вся наша забава от силы пару минут займёт, и «мама» сказать не успеешь, то ли мы их, то ли они нас...

Николай Карташов слегка обиделся, что его в штурмовую группу не взяли. Вроде всё вместе делали и всё нормально получалось. Но подумал и решил, что если за дело берутся специалисты – нечего дилетантам соваться. На верфи или в конструкторском бюро его тоже никто из присутствующих заменить не сможет. Он во вторую очередь пойдёт, когда профессиональные знания потребуются. А вот девицы его в отличие от друга Юрия почти не впечатлили. Что в штатских нарядах, что в военных. Приходилось читать и слышать и о красотках-телохранительницах, и о снайпершах – наёмных убийцах, а также и о китайских женских бандах, превосходящих своей жестокостью любого закоренелого садиста из бандитов-рецидивистов.

Что же до их физических статей... Николай относился к тому довольно распространённому (только не все об этом догадываются) типу мужчин, что абсолютно безразличны к так называемой «красоте» или «модельной внешности». Все женщины для них, кроме законченных уродок, примерно одинаковы, как цвета на палитре для дальтоника. Некоторые чем-то выделяются – та борщ вкуснее варит, та в постели изобретательнее, у той выраженные способности к черчению, но и не более. С «красотками» просто мороки больше. А общий набор определяющих признаков и функций у всех примерно одинаковый. «Базовая комплектация». Не зря французы поговорку придумали: «Даже самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет». Оттого, что существуют такие, как Николай, большинство совсем не примечательных девиц и ухитряется не только замуж выходить, но потом и по несколько любовников иметь, а казалось бы...

– Ну, что, готовы? – спросил Басманов. Он, как и Уваров, и Бекетов с Егором, был в нейтрально-штатской одежде походного стиля, то есть при необходимости могли сойти за тех самых «героических волонтёров», даже предстать перед флотским командованием при передаче трофея морякам. Вот валькириям, тем придётся исчезнуть сразу же после завершения «горячей фазы» операции. Видеть их не следует не только англичанам, но и своим тоже. А если кто из британцев невзначай увидит «прекрасное видение», так оно станет воистину последним в его жизни приятным впечатлением.

Четверо мужчин и пять девушек ударной группы были готовы, стояли на краю неразличимо узкой щели между паркетом кабинета Арчибальда и палубой крейсера. Ширина щели – несколько квантов и одновременно неизвестно сколько тысяч километров и, возможно, десятки, а то и сотни веков. Никто из здесь присутствующих, кроме Сильвии, не выходил за пределы замковых стен хотя бы на те несколько километров, что агтрианка проезжала с Антоном и Шульгиным верхом или на «Виллисе». А там, в окружающих Замок лесах и прериях, был какой угодно год кайнозойской эры, скорее всего – эпохи голоцена²⁰. Возможно, вообще до заселения Америки прямоходящими гоминоидами. Очень удобное, кстати, место и время для размещения форзейлианской базы. Никто опаснее гризли к стенам Замка не подойдёт. Правда, нашлись в последнее годы *мыслящие существа*, наловчившиеся, вроде блох, запрыгивать и туда, где их присутствие совершенно неуместно.

По кивку Уварова, стоявшего в короткой цепочке десантников первым, Сильвия что-то, по подсказке Арчибальда, переключила на большом настольном пульте.

Шаг – словно из-за кулис на сцену, в окружение фанерных декораций, под влиянием «волшебной силы искусства» преображающихся в реальность подлиннее настоящей. И вокруг

²⁰ **Кайнозой** – (греч. – «новая жизнь»), – новейшая эра геологической истории, охватывает и современность. Началась 66 млн лет назад. Голоцен (*греч.* – «совсем новый») – последлениновый период, составляющий последний пока не закончившийся отрезок четверичного (антропогенного) периода.

уже только стальные переборки, рифлёный пол под ногами вместо ковров и навощённого паркета, спёртая сырая духота и вибрация корпуса от работающих турбин.

Глава третья

Уваров на секунду приостановился перед стальным трапом, крутым, почти отвесным, упирающимся в площадку с водонепроницаемой дверью. С левого края – крестообразная задрайка, выкрашенная суриком. Пол-оборота – и откроется.

А там – два десятка британских морпехов, специально сюда присланных, предупреждённых о возможности внезапного штурма оружейной комнаты, а точнее выражаясь – корабельного арсенала, крьюйт-камеры в терминологии парусного ещё флота. В ней хранится личное оружие всего экипажа крейсера, положенное по штату, плюс средства огневой поддержки для высадки десантов, и масса самых разнообразных боеприпасов. Крейсер ведь автономная боевая машина, предназначенная решать самые разные задачи в любом конце света, от захвата чужих баз и обороны собственных до подавления мятежей туземного населения и организации таковых, если потребуется. И всё – в условиях полной невозможности пополнить запасы или затребовать средства усиления до возвращения в собственный порт.

Но пока «Гренвилл» не подвергся abordажу превосходящими силами с вражеского судна, попытаться захватить арсенал могут лишь несколько внезапно исчезнувших человек из числа завербованных бродяг. Их всего пятеро, если даже вообразить, что к ним присоединились недавние охранники, – максимум восемь. Ничего, кроме пистолетов, они на борт пронести не могли. И, значит, двадцать человек, хорошо вооружённых и подготовленных, в том числе и к бою внутри корабельных отсеков, справятся с террористами без малейших усилий. Пусть только осмелятся и попробуют появиться поблизости...

Очень хорошая (для его противников) мысль пришла в голову кэптэну Эвансу – не заморачиваться, разыскивая беглецов по всему кораблю, а поставить ловушку там, куда они непременно придут, если захотят учинить на борту серьёзные беспорядки. Если не захотят, предпочтут прятаться до берега по «крысиным норам», тем лучше. А морской пехоте всё равно где службу нести.

Но с точки зрения серьёзного специалиста решение предельно глупое, самоубийственное, пожалуй. Собрать в одном изолированном помещении, легко блокируемом извне и исключаящем какую-либо возможность манёвра, практически всех боеспособных солдат, предоставив противнику инициативу и полную свободу манёвра! Да, конечно, огневой перевес на стороне морпехов, но отчего бы не подумать, что в таких именно условиях может предпринять неприятель, какое нестандартное решение принять?

Остальные члены экипажа заняты своими, весьма конкретными и сложными матросскими и офицерскими делами, отвлечься от которых после сигнала боевой тревоги практически невозможно: ведут корабль, стоят у орудий, котлов и турбин, обеспечивают живучесть и непотопляемость, наблюдают за далёким горизонтом, а не за тем, что творится у них за спиной и под ногами. На это поставлены совсем другие люди.

А этих «других» – всего полсотни. Тридцать распределены по прочим предписанным уставом и приказом местам, от бака до юта и от киля до клотика, причём – всего по два-три человека, зато два полных отделения полного штата, во главе со своими сержантами. Да ещё и ротный командир вдруг решил, что должен находиться в самом угрожаемом и важном пункте, то есть здесь. Не там, откуда удобнее принимать решения и руководить, а там, где с врагом можно встретиться лицом к лицу. Как говаривал Козьма Прутков: «Усердие всё превозмогает. Порою и рассудок».

Каждый боец штурмовой группы держал перед внутренним взором картинку – план батареи палубы, как и где расположился в её выгородках каждый из вражеских морпехов. Точ-

нее – где кто находился минуту назад. Вряд ли за истекшее время дислокация могла сильно поменяться.

Уваров покачал руками с четырьмя гранатами, по две в каждой, поставленными «на удар», как бы примериваясь перед броском. Снова вдруг вспомнилась Варшава, дворец Бельведер, такие же гранаты... И что было потом²¹. За ним стал унтер Кузнецов, тоже с четырьмя «ФК». Басманов удовлетворил его просьбу. Остальные взяли на изготовку взведённые автоматы.

– Давай! – выдохнул Уваров.

Бекетов, имеющий привычку обращаться с судовыми дверями и запорами, изо всех сил толкнул запорный рычаг, потянул на себя дюймовое броневое полотнище. Дверь раскрылась на половину своего распах, и в метровый просвет полетели все восемь гранат. Кидали не просто так, куда придётся – Уваров швырнул свои на всю глубину отсека, до самого заднего траверса палубы, с расчётом на рикошеты, а Егор – аккуратно, как сеятель зерно из лукошка, чтобы все легли веером, от борта к борту, но не дальше десятка метров от входа.

Бекетов, только мелькнули мимо него сероватые рубчатые яйца, навалился на дверь, чтобы успеть захлопнуть, пока и им не досталось.

Успел!

Восемь взрывов гроыхнули вроде бы разом, но на самом деле вразнобой, с полусекундными интервалами, гранаты рвались «по готовности», в зависимости какая раньше долетала до переборок и палубного настила.

По Варшаве Уваров помнил, как выглядит эффект гранатного залпа в замкнутом помещении. Так в Бельведере хоть огромные, от пола до потолка окна были, и двери деревянные, взрывной волне было, куда уходить. А здесь – со всех сторон глухой металл, даже иллюминаторы, небольшие, человеку не пролезть, задраены. Вся энергия почти килограмма флегматизированного гексогена в доли секунды несколько раз отразилась от переборок, да и сотни осколков, рикошета, несколько раз перекрестили внутренний объем палубы во всех направлениях. Да ещё существует такое понятие, как «кумуляция взрыва», когда ударные волны, догоняя и перекрывая друг друга, значительно усиливают собственную мощь.

Боеспособных солдат после этих мгновений грохота, пламени, визга осколков по стали, мгновенного, неосознанного ужаса и инстинктивных вскриков в палубе не осталось. Десяток был сразу убит наповал, остальных разбросало по сторонам, посеколо неровными, острыми на изломе осколками некоего подобия фарфора, того, что идёт на изоляторы линий электропередач. Гораздо более противная вещь, чем старый добрый чугун, да вдобавок рентген этот материал показывает очень плохо.

– Всем стоять! – скомандовал Уваров своим бойцам. Сам шагнул через комингс во вновь открытую Юрием дверь, за ним – Кузнецов, имевший привычку к работе в таких вот закрытых, тёмных, задымлённых, поражённых вражескими снарядами или торпедами внутренних помещениях корабля.

Здесь действительно было темно, все плафоны и распределительные щиты разбило, открытую проводку порвало, нестерпимо воняло сгоревшей взрывчаткой, и оченьгодились бы изолирующие противогазы. Но – чего не было, того не было.

– Фонари сюда! – крикнул Уваров, высунувшись наружу и глотая сравнительно свежий воздух.

В комплектах снаряжения валькирий компактные и мощные фонари имелись, хотя здесь большегодились бы ноктовизоры с подсветкой.

²¹ См. роман «Дальше фронта».

Марина и Инга проскользнули мимо командира, их организмы легче переносили ядовитый дым, начали шарить фонарями вокруг. С затянутыми втугую задрайками иллюминаторов возиться было некогда.

– Живых вытаскиваем!

К двум девушкам присоединились остальные.

Басманов с Уваровым и Бекетов открыли тамбур трапа, ведущего с батарейной палубы на спардек. Сразу стало светлее, сквозняк потянул дым в подпалубные помещения.

– Слава богу, пока без стрельбы обошлись. Теперь лучше всего – рывком на мостик. Оттуда и отстреливаться удобнее, и командира заставим по громкой связи приказать команде сдаваться.

– А не захочет? – спросил Юрий.

– Захочет, – коротко бросил Басманов, и, глянув ему в лицо, любой бы понял, что сомнения здесь неуместны.

Он предполагал, что, как и в истории с «другим» английским флотом, случившейся для него пять лет назад, по другому счёту – девяносто, а на самом деле, может быть и миллион лет вперёд²², всё командование окажется, как ему и положено, в боевой рубке или на ходовом мостике, и взять их всех можно будет разом, быстро и без проблем.

На самом деле всё обстояло гораздо сложнее, и, если так можно выразиться в данном случае – дискретнее²³. В том смысле, что сейчас теоретически единоличная власть командира оказалась рассредоточена между несколькими «центрами силы», каждый из которых имел свои цели и свой интерес. И все находились в разных, достаточно удалённых местах.

Коммодор Честер, командир крейсера, имел приказ адмирала – в случае невозможности отремонтироваться своими силами и очевидной угрозе захвата русскими, уничтожить корабль со всем сверхсекретным оборудованием. В идеале он должен был уничтожить и обслуживающих технику специалистов, поскольку любому ясно – попав в плен, они непременно станут давать показания. Если о принципах устройств они, эксплуатационники, и не имеют представления, то уж всё касающееся тактико-технических данных и методик применения аппаратуры выложат дочи́ста. А русским учёным, да и разведчикам с дипломатами, этого будет совершенно достаточно. И в практических целях, и для развязывания «разнузданной пропагандистской кампании». Сам коммодор после завершения этого плана намеревался застрелиться, поскольку русский плен с последующим возвращением на родину, судом и смертной казнью, что пообещал адмирал Хиллгарт, его совершенно не устраивал. Умирать всё равно когда-нибудь нужно, так отчего не сейчас? По крайней мере, он будет лишён сомнительного удовольствия читать и выслушивать то, что напишут о нём газетчики и изложит в своём приговоре военно-морской суд. Да и совестью всю оставшуюся жизнь мучиться не придётся, за погибших по его вине и убитых по его приказу.

В данный момент коммодор Честер шёл по кормовому коридору вслед за начальником «научной группы» кэптэном Френчем, надевшим флотский мундир только по случаю именно этого похода, и, чуть успокоив вдрызг раздёрганные нервы полупинтой²⁴ хорошего виски, прикидывал, удастся ли «профессору» придумать что-нибудь стоящее для их общего спасения или всё же придётся ставить его со всей компанией к стенке? На этот случай командир отряда судовой военной полиции – самый подходящий человек. Приведёт приговор в исполнение, не задумываясь.

²² См. роман «Вихри Валгаллы».

²³ Дискретность – разделённость, прерывистость, прерывность (лат.).

²⁴ 1 английская пинта = 1/8 галлона = 0,568 куб. дм. Американская = 0,473 куб. дм.

Профессор Френч думал о вещах прямо противоположных. Он со слов самого командира знал, что живым ему в плен попасть не позволят. И хотя Честер признался в этом только для того, чтобы заставить «научника» старательнее думать о способе их общего спасения, цели он достиг прямо противоположной. Теперь доктор философии, физики и математики Гилберт Клеменс Френч стремительно перебирал в голове варианты – как наиболее эффективно нейтрализовать капитана, после чего сдать его русским и сдаться самому. Хорошие учёные везде нужны, сибирская каторга ему не грозит, а лаборатории Москвы или Петербурга ничем не хуже кембриджских.

Контр-адмирала военно-морской разведки Эванса, личного представителя одного из лордов Адмиралтейства, а через него и самого мистера Боулнойза, для маскировки носившего в этом походе такой же, как у Френча, мундир фальшивого кэптэна, тоже занимали жизненно важные проблемы. Уничтожение секретной аппаратуры вместе с персоналом и у него стояло на повестке дня, но не главным пунктом. Оно должно было произойти почти автоматически. В каюте у Эванса имелся некий тумблер, подключенный к отдельной от общесудовой электрической цепи. Один щелчок – и вся аппаратура сразу превращается в пыль. Персонал, соответственно, тоже, поскольку должен по боевому расписанию находиться на местах. Гораздо важнее было сообразить, как спастись самому. Вариантов, в принципе, всего два. Первый – сдаться в своём залегенированном качестве, то есть – прикомандированного к отряду для получения морской практики сотрудника совсем незначительного гидрографо-метеорологического отдела штаба флота. Здесь можно рассчитывать на кратковременное интернирование и спокойное возвращение на родину, поскольку войны всё-таки не объявлялось.

Второй – присоединиться к толпе русских «волонтёров». Их язык он знает вполне прилично, небольшой акцент легко можно отнести на счёт длительной разлуки с родиной и «языковой заражаемостью», завербованные, размещавшиеся в разных кубриках, в массе своей друг с другом не знакомы. Документы исчезнувших «надзирателей» лежат у него в сейфе, а фотографии... По личному опыту он знал, что на них пристально смотрят лишь в особых случаях. В этом варианте его, скорее всего, отпустят на все четыре стороны при заходе в первый же нейтральный порт.

О том, что и в первом и во втором случае русская контрразведка может оправдать свой пугающе высокий авторитет, то есть разоблачить его, Эванса, думать не хотелось. Но надо. Значит, необходимо поискать третий вариант – безопасный и безусловно выигрышный. Могут ему каким-то образом помочь «гипногенераторы» Френча? Интересно... Всех их возможностей Эванс не знал, джентльмену не по чину вникать в технические подробности, но если с помощью своей аппаратуры Френч собирался «загипнотизировать» и послать на смерть две сотни человек, то возможно ведь сделать и ещё что-то?

И, наконец, капитан-лейтенант (лейтенант-коммандер) Строссон. Он, доверенное лицо адмирала Гамильтона-Рэя, назначен в поход присматривать за деятельностью Эванса и реализацией плана с русскими «волонтёрами». Сам он имеет особое мнение по этому вопросу, но подчиняется своему начальнику. Сейчас внезапное изменение ситуации полностью подтвердило его правоту. Русские (хотя бы несколько человек) повели себя именно так, как он предвидел. Догадались ли о сути происходящего самостоятельно или кто-то подсказал – неважно. А вот то, что они мгновенно перешли к «партизанской войне» на вражеской территории – факт безусловный. Похоже, свой выбор Строссон сделал ещё в тот момент, когда Эванс сообщил ему об исчезновении нескольких «волонтёров» и охранников-коллаборационистов. Нетрудно было предсказать, что столь решительные люди (да вдруг – ещё и специально подготовленные?) способны наделать на крейсере очень много всяких неприятностей. Так оно и случилось. Сначала – сообщение Эванса об исчезновении нескольких русских и приставленных к ним надсмотрщиков, его попытка сделать капитан-лейтенанта своим помощником, а точнее – пособником. Потом – непосредственно диверсия, простая в исполнении и весьма эффектив-

ная. Только хороший морской инженер мог догадаться, что уничтожение рулевой машины – самый простой и надёжный способ превратить великолепный боевой крейсер в несамоходную баржу.

Строссон оказался совершенно прав, хотя и не знал о подобном прецеденте, когда сильнейший и новейший линкор «Бисмарк» бесславно погиб из-за всего лишь заклиненного в положении «на борт» руля. Вот и «Гренвилл», лишённый хода и управляемости, бессмысленно болтается на волнах, а неустановленное число русских террористов наверняка приступило к выполнению следующего номера своей программы.

Остин Строссон не то чтобы заслужил какое-то особое доверие Гамильтона-Рэя, но был им использован именно за умение не поддаваться господствующему мнению, «террору среды» и доводам каких бы то ни было авторитетов, собственного начальства в том числе. Даже демонстративно пренебрегая карьерой. Гамильтон-Рэй сам был человек подобного типа, только поумнее (то есть не готовым рисковать положением и жизненными благами ради абстракций вроде «собственного мнения»). Оттого он понимал и пользу таких, как Строссон, и их потенциальный вред. Поэтому в перспективе капитан-лейтенанту светила ещё одна (максимум – две) накрученные нашивки²⁵ и должность вечного консультанта «по общим вопросам» или вообще архивариуса. Адмиралами такие, как он, не становятся по определению.

По тем же самым причинам Строссон, оказавшись «на воле», очень легко выпал из-под влияния своеобразного обаяния «своего» адмирала и особого рода внушения, под которым находились все, входившие в круг интересов Арчибальда. Более того – он начал догадываться о некоторых вещах, как бы и невозможных, но, тем не менее, имеющих место. Поэтому сейчас капитан-лейтенант всерьёз задумался о том, как бы ему не оказаться случайной жертвой происходящего (что очень и очень не исключено), по возможности вступить в контакт с кем-то из руководителей «русских партизан», а через них – с командованием Российского флота. Честный офицер и далеко не глупый человек отлично понимал – интересы всего человечества явно преобладают над интересами некоей группки заговорщиков, пытающихся захватить власть в Великобритании и втянуть мир в новую тотальную бойню.

Цель была крайне трудная, её достижение связано с огромным риском, а в итоге зависело прежде всего от удачи. Но смысл попробовать был. Капитан-лейтенант сейчас как раз пытался смоделировать действия «террористов» или, лучше сказать, диверсантов, так, чтобы пересечься с ними в достаточно удобном месте, избежать почти гарантированной пули и, главное, успеть быстрее, чем Эванс, Френч или сам коммодор Честер совершат непоправимое. О приказе на самоликвидацию в случае угрозы захвата оборудования он тоже знал.

Такой вот психологический расклад образовался на текущий момент, а географически персонажи этого трёхмерного пасьянса перемещались в пределах двухсот метров по горизонтали и пятнадцати – по вертикали, непрерывно при этом принимая и либо реализовывая, либо тут же отменяя некие микрорешения, которые должны были сложиться в единое судьбоносное МНВ²⁶.

Юрий Бекетов и Егор Кузнецов достаточно хорошо ориентировались в общей планировке палуб и надстроек кораблей подобного класса. Но именно на этом крейсере найти оптимальный маршрут к ходовому мостику и боевой рубке и тому и другому было затруднительно. Особенно в боевой обстановке и условиях острого дефицита времени. Тут пришла пора военному кораблестроителю Николаю Карташову в дело вступать. Пока он стоял рядом с Сильвией у стола

²⁵ По-нашему – капитан третьего или второго ранга.

²⁶ МНВ – минимально необходимое воздействие. См. А. Азимов. «Конец вечности».

Арчибальда и жадно наблюдал за разворачивающим действием. Точно как из первого ряда партера за пьесой из морской жизни, вроде «Разлома» или «Оптимистической трагедии»²⁷.

Вот до верхней палубы добрался авангард абордажной партии, пятеро – Анастасии Уваров велел оставаться в тамбуре, между стальной дверью, выходящей на правые шканцы²⁸, и трапом в батареиную, наблюдать за подходами с кормы, осуществлять непосредственную связь между группами, руководить действиями остальных валькирий и команды «волонтёров». Закончить разбираться с ранеными, оказать помощь, кому требуется, проследить, чтобы сохраняющие боеспособность пленные не смогли ею (боеспособностью) воспользоваться. Вскрыть оружейную комнату и приготовиться вооружать добровольцев из остающихся в кубриках соотечественников, за которыми уже послали Саню и Ваню, братьев Егора Кузнецова. Автоматы у них в руках должны прибавить убедительности их словам и доверия к ним. Распределить прибывших по группам сообразно их знаниям и способностям. Подходящая работа для взводной командирши.

Никто не заметил, каким образом Марина, ещё до того, как прозвучал касающийся валькирий приказ, успела очутиться рядом и даже несколько впереди мужчин. Она вообще обнаружилась, только когда короткой автоматной очередью положила показавшегося на сходном трапе кормового мостика британского офицера с пистолетом в руке.

– Верещагина, мать твою... Куда лезешь?! А ну, вниз! – запоздало выкрикнул Уваров, но Марина уже взлетела вверх по трапу, ударом ноги отправила за борт упавший рядом с простреленной головой офицера пистолет.

Но это было уже в пустой след. Девушка, убедившись, что больше на мостике, окружающем основание грот-мачты, нет никого, приоткрыла неизвестно куда ведущую дверь, на всякий случай бросила туда гранату.

– Давайте сюда, у меня чисто! – крикнула она. Когда к ней первым поднялся Уваров (сухопутный подполковник отнюдь не владел привычкой бегать по трапам вверх как обезьяна, а вниз слетать по поручням, не касаясь ступеней), она встретила его едва заметной иронической усмешкой в углах губ и довольно вызывающим взглядом.

– Куда тебя чёрт понёс? Ты что, команды не слышала?

– Не слышала, – честно ответила валькирия. – Нечего было слышать, вы с Настей очень тихо говорили! – И усмехнулась несколько вызывающе. Мол, я уже здесь, и ничего ты мне, граф, не сделаешь!

Она видела, как командир что-то приказывает Вельяминовой, даже примерно догадалась, что именно, и сработала на опережение. Как и планировала с самого начала.

– А! – обречённо махнул рукой Валерий. Девушка формально права, а начинать с ней спорить совсем не время. – Потом поговорим. Держи правый сектор. От трапа и докуда видишь. При любом шевелении стреляй. А мы ещё выше попробуем...

Эта диспозиция тоже не устраивала Марину, она ведь собиралась идти впереди, в случае чего грудью прикрывая Басманова, и если её вдруг убьют, пусть он видит... В общем, несмотря на чин и кое-какой боевой опыт, мысли у неё в голове бродили подходящие какой-нибудь штатской шестнадцатилетней девице. Но тут уж ничего не поделаешь, сейчас-то приказ отдан ей лично. Придётся выполнять, защищая товарищей с тыла.

²⁷ Интересно отметить, но обе эти пьесы имели место и в описываемой реальности. Авторы, Б. Лавренёв и Вс. Вишневский, родились, как и положено, на рубеже веков в общей для всех России, служили на Российском Императорском флоте, от природы обладали литературно-драматургическими талантами и написали почти то же самое, что и в советской реальности, только с несколько иными политическими акцентами.

²⁸ **Шканцы** – часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты. Шканцы считались на корабле почётным местом, там проводились построения, зачитывались приказы, принимались вышестоящие начальники. Конкретно размещение шканцев на каждом корабле определялось особым приказом по Мор. Ведомству (на русском флоте).

Наградой ей был одобрителный взгляд полковника, взбежавшего мимо неё на следующую кольцевую площадку, окружающую двухметровый в диаметре ствол мачты. По крайней мере, Марине показалась, что одобрителный. Но и этого достаточно.

– Теперь я пойду, – бросил Сильвии Карташов. – Они там сейчас запутаются, незачем вверх лезть, по шканцам надо! – и тоже шагнул как бы из-за кулис на окружённую броневыми декорациями сцену.

Из двадцати британских морпехов и троих артиллеристов, дежуривших при судовом арсенале, убитых, при тщательном осмотре, оказалось одиннадцать. Ещё четверо ранены так, что без экстренных операций в береговом госпитале вряд ли выкарабкаются. Значит, для них вся надежда, что русские корабли подойдут вовремя и их после квалифицированной врачебной помощи²⁹ эвакуируют вертолётom. А может, и на одном из тяжёлых крейсеров есть умеющие делать полостные операции врачи и должным образом оборудованный лазарет.

Восемь человек, в том числе и ротный командир, отделались контузиями и непроникающими ранениями. Этих наскоро перевязали, вкололи шприц-тюбиками что положено и сковали всех вместе их же собственными, положенными по должности наручниками.

У убитого британского главстаршины с широкими шевронами за пятнадцать лет службы Инга обнаружила связку ключей на специальной кожаной петельке у пояса. Хорошо смазанные замки броневой двери открылись легко и бесшумно, несмотря на свою внешнюю массивность и грубость. За дверью – ряды пирамид с винтовками, автоматами и ручными пулемётами, стеллажи с разнообразными боеприпасами. Где-то дальше должны быть и десантные скорострельные пушки, которые берут с собой при высадке на вражеский берег. Богатство, одним словом, приятное глазу военного человека.

– Ну вы, гвардия, – обратилась девушка к отозвавшимся на призыв братьев Кузнецовых полутора десяткам мужиков, успевших слегка пораскинуть мозгами и сообразить, что, получив настоящее оружие и под командой доказавших своё право руководить специалистами, бунтовать сподручнее, чем с противопожарным инвентарём. – Вооружайтесь, чем бог послал и кто в чём разбирается. Кто совсем ни черта не знает, я объясню.

Таких, чтобы «совсем», не оказалось, народ в большинстве своём подобрался бывалый. Каждый по-своему, но человек, не имеющий *понятия*, добровольно на подобное дело не вызовется.

Хватило десяти минут, чтобы восемь «бойцов первого призыва» и четырнадцать «новых», даже имён которых ни Карташов, ни Инга не спросили, превратились в несколько даже избыточно вооружённое подразделение.

– Молодцы, – продолжала Вирен исполнять самостоятельно принятую на себя должность, – теперь я – ваш командир. Следовать за мной, и всё исполнять мгновенно и беспрекословно. Тогда мы им покажем...

Анастасия не возражала против такой инициативы подруги, до этого, в силу характера и темперамента, предпочитавшей оставаться в звании рядового, хоть и при офицерских погонах. Ей же проще, не нужно самой об этой сомнительной публике заботиться.

– А вам, господин инженер, – обратилась она к Николаю, – приказано вслед за вашими товарищами выдвигаться. Они боевую рубку брать решили. Я с вами подпоручика Варламову пошлю, она за вами присмотрит.

Карташов не возражал. Хоть и вооружился он штурмовым автоматом «Стерлинг», похожим на короткую дырчатую трубу с пистолетной рукояткой и торчащим вбок магазином, а

²⁹ Медицинская помощь на войне подразделяется на доврачебную (поле боя), первую врачебную (ПМП), квалифицированную (медсанбат-эвакогоспиталь) и специализированную (профильные госпитали).

явно опытная девица, обвешанная оружием, прикроет его куда надёжнее, чем он сделал бы это сам. Да и помощник в том деле, что он задумал, лишним не будет.

– Как они пошли?

– А вот прямо по этому мостику, потом вниз по трапу и снова вверх, позади трубы. Дальше я их из виду потеряла. Но ваш товарищ сказал, что дорогу вы найдёте, а путь они вам расчистят...

У Николая тут же нарисовался в голове собственный план действий. Чего ради поверху бегать, где тебя со всех сторон видно и ничего не стоит пулю получить хоть снизу, хоть сверху? Можно и не просто на пулю нарваться, а на очередь из зенитной пулемётной спарки, если найдётся при них сообразительный сержант или лейтенант. Он, например, прямо отсюда видел целых восемь огневых точек пулемётов и сорокамиллиметровых «Бофорсов» на четырёх ярусах носовой надстройки. Другое дело, что едва ли сейчас расчёты интересуют какие бы то ни было люди, бегающие по палубам. У зенитчиков всё внимание на небо и горизонт, согласно боевому расписанию.

– Нормально. Тебя, подпоручик Варламова, как зовут?

Карташов был старше девушки лет на десять и имел звание «старший помощник судостроителя», равное классному чину коллежского асессора, а также, по знакам различия, положенным к парадной тужурке – армейскому капитану или старшему лейтенанту флота. Полюбому она на три чина ниже, и разговаривать с ней можно исходя из этого.

– Мария.

– Маша, одним словом. Хороша Маша, да не наша, – решил сразу установить со своей напарницей непринуждённые отношения инженер. – Значит, так, госпожа подпоручик, – тут же переключился он, заметив в её глазах намёк на протест против панибратства, – идёшь за мной в трёх шагах. Бдительно смотришь по сторонам и назад. Желательно – одновременно. При любом подозрительном шевелении – огонь на поражение, своих у нас на пути по определению быть не может. Вперёд смотреть и путь выбирать я сам буду. Не отставать, по трапам – только бегом, и вообще темп нам потребуется, чтобы всё как надо сделать и друга моего удивить. Пошли!

Марии этот мужчина тоже понравился. Весёлый, отчаянный, похоже, никаких признаков страха или растерянности не проявляет. Опять же – близкий друг Юрия. Если все живыми до места дойдут, через него, как через боевого товарища, легко будет и со штабс-капитаном поближе познакомиться. Непростой человек, понятное дело. Но на неё *обычными* глазами смотрит, а Бекетов сразу – *по-особому*!

Карташов знал что делал. По той части крейсера, что он успел изучить, сложилось отчётливое представление и об остальной его архитектуре.

– У тебя фонарь есть, Варламова? Это хорошо. Приготовь. Возможно, кое-где не слишком светло будет. Имей в виду, кстати – на кораблях чёртова уйма всяких торчащих железок, высоких порогов, низких потолков и так далее. Наблюдай за мной, ворон не лови. Лбом приложишься – кричать и ругаться не надо. Терпи. Особо внимательна будь, спускаясь по трапам – коварная штука. Сколько на них рук и ног сломано – ужас.

– Всё поняла, – без иронии кивнула головой Мария. – По-моему – стоит поторопиться...

– Поторопимся. Но без инструктажа по технике безопасности – никак.

Николай повёл девушку вниз, вниз и вниз, почти до самого второго дна. Там они попали в длинный узкий коридор, где было ужас как жарко. И гудело через металл сильно, и пол под ногами мерно вибрировал.

– Это у нас тут котельные и машинные отделения, – пояснил инженер. – Потерпи, мы быстро. Дальше легче будет.

Действительно, через полсотни шагов они оказались в узком цилиндрическом помещении метров трёх в диаметре. Вверх уходил вытертый сотнями рук и ног до блеска скобтрап.

Здесь было уже не жарко, а весьма прохладно, и переборки на ощупь холодные и влажные. Николай предостерегающе поднял руку:

– Здесь – тихо. Слева и справа посты энергетики, живучести и центральный артиллерийский. Человек двадцать в них обычно отирается. Но мы их обойдём, и очень надеюсь, что никто оттуда случайно не высунется...

За очередной, вопреки уставу не задренной водонепроницаемой дверью от борта к борту шёл поперечный коридор, имеющий, в свою очередь, «Т-образные» ответвления справа и слева. На «перекрёстках» – ведущие вверх нормальные трапы. Их обилие и кажущаяся беспорядочность расположения уже начали Марию утомлять. Хорошо, что сама она не на флоте служит.

– Сейчас будет самое интересное, – сказал Карташов спутнице. – Если ни с кем не столкнёмся – по этой вот шахте поднимемся прямо в главный командный пункт, по традиции именуемый боевой рубкой. И имеем приличный шанс обогнать наших друзей и встретить их там с распростёртыми объятиями.

Мария понимающе кивнула, приподняла на уровень груди ствол автомата, пошевелила пальцем на спусковом крючке.

– А вот ты это, по возможности воздержись стрелять, без самой крайней необходимости. Труба – она и есть труба. Звук хорошо передаёт. Если в рубке услышат – люк прикроют, и всё! Нам с тобой всё, – счёл он нужным пояснить, хотя подпоручику смысл его слов был и так вполне понятен. – Лучше кинжалом твоим, – он указал на пристёгнутый у девушки вдоль бедра штурмовой нож.

– Можно и без, – согласилась Варламова. Поставила автомат на предохранитель, отстегнула страховочную петлю на ножнах. Карташов этого делать не стал, здраво рассудив, что если вдруг возникнет критическая и, естественно, мгновенная ситуация, снять оружие с предохранителя лично он может и не успеть, а рукопашному бою не обучен вообще.

В следующий момент так оно и случилось. Слева послышались близкие голоса, и из-за угла коридора появился коренастый мужчина в синем кителе с четырьмя золотыми нашивками на рукавах. Английских знаков различия Николай не знал, но по аналогии сообразил, что этот тип никак не меньше чином, чем российский кап-два. Офицер как раз сейчас, обернувшись, говорил что-то идущим за ним.

«Живым бы взять, – мелькнуло у Карташова, – важный дяденька, не ниже стармеха или старарта». Мария поняла его без слов. Дальнейшее произошло мгновенно. Николай, собственно, ничего больше и сообразить не успел, не то чтобы сделать. Был бы один, мог, наверное, крикнуть «Хэндз ап!», а при попытке сопротивления наверняка бы выстрелил, чисто машинально.

Варламова же, перейдя, как показалось инженеру, в какой-то иной темп (тем более что так оно и было), левой рукой отстранила его с дороги, метнулась вперёд, правой схватила англичанина за толстую красную шею, дёрнула на себя, навстречу выброшенному вперёд и вверх колену. Удар получился впечатляющий и если бы пришёлся в переносицу или ниже – несколько недель лечения в госпитали были бы моряку обеспечены, и это – в лучшем случае. Но Маша ударила в лоб, в самую крепкую кость черепа, за которой, к тому же, никаких жизненно важных центров не размещалось. Лобные доли за другие функции отвечают. Зато сознание «объект воздействия» потерял сразу, но, что важно, ненадолго и без вредных последствий. Нечто вроде обычного нокаута.

За углом коридора, в двух шагах позади офицера, шли ещё двое, с нашивками поуже и числом поменьше. С этими церемониться ни команды, ни оснований не было. Одного подпоручик ударила, сменив ногу, носком ботинка в район печени, второго, почти одновременно, затыльником автомата снизу вверх, под угол правой челюсти.

«Этим, пожалуй, помощь уже не потребуется», – краем сознания подумал Николай, сам придя в некоторое ошарашивание от только что увиденного. Да, какие уж тут кинофильмы, где персонажи обмениваются десятками подобных ударов, в самые чувствительные места, никоим образом от них не страдая, а лишь приходя в необходимый для окончательной победы кураж. Здесь мгновенное, почти не воспринимаемое глазом движение, негромкий звук – и нет человека, явно не успевшего додумать свою последнюю мысль.

Карташов, с автоматом наизготовку, сделал пару шагов. Нет, всё тихо. Дверь поста энергетика закрыта, оставшиеся там занимаются своими делами, никто ничего не услышал.

Он оттащил обоих не то старших лейтенантов, не то лейтенант-командеров за поворот. Посмотрел на девушку с уважением пополам с недоумением.

– Как ты их лихо приложила...

Мария ничего не ответила, только чуть дёрнула щекой.

– А этот как? – он кивнул на первого офицера.

– Скоро очухается...

Валькирия присела рядом с оглушённым, сноровисто хлопала его от щиколоток до плеч, рывком оторвав одну пуговицу, расстегнула китель, запустила рукав во внутренний карман. Вытащила офицерскую книжку, открыла, взглянула, присвистнула. Протянула Карташову.

Тот прочитал: «Джером Лесли Макдоннел. Кэптэн. Старший помощник командира корабля Его Величества «Гренвилл».

Да уж. Везёт так везёт. Лишь бы сэр Джером Лесли дуба не врезал раньше времени. Очень интересно, что он именно на этом посту именно сейчас делал? Корабль не в бою, повреждений не имеет, борьбу за живучесть вести пока рано. И есть люди, непосредственно за это отвечающие. У старпома сейчас куда больше неотложных дел имеется, он всегда там, где нужнее всего. Например – в румпельном отделении ремонтную бригаду подгонять и понукать. Уж не крейсер ли свой топить собрался кэптэн Макдоннел? По согласованию с командиром или по собственной инициативе. Если да, то начинать нужно именно отсюда. Автоматические приводы кингстонов и клинкетов на этот пост выведены, перепускные клапаны цистерн и отсеков и многое другое, что можно использовать для экстренного затопления корабля. Самый быстрый способ, конечно, это взрыв артиллерийских и минных погребов, но тогда жизни и состава и команды отнюдь не гарантированы. На этот случай экипаж сначала или в шлюпки садится, или в одних спасжилетах за борт прыгает.

– Как скоро?

– Не знаю, минут через десять-пятнадцать обычно. Но вдруг какие осложнения, гипертонией страдает, например, тогда вообще может не очнуться, – ответила Мария, щупая пульс «пациента». Лучше всего ему бы хоть ненадолго гомеостат надеть, но при постороннем человеке делать это вряд ли стоит. Можно пока ограничиться уколom из стандартного шприц-тюбика.

– Ты это брось, он нам живой нужен. Одним словом, наблюдай за ним и по сторонам смотри, я на минутку отлучусь, дело есть...

Едва ли Мария нуждалась в его советах, но – мужчина есть мужчина, да ещё старший по званию, что-то руководящее изречь должен.

Для непосвящённого человека любой отсек боевого корабля представляет собой неопостижимое нагромождение труб всевозможного диаметра и цветов, кранов, клапанов, силовых щитов, распределительных коробок и прочего, и прочего и прочего. Причём конструкторы, создавая рабочий проект корабля, совершенно не заботятся о комфорте людей, которым предстоит на нём служить и с техникой работать. Всё подчинено исключительно своеобразно понимаемой рациональности, зачастую несовместимой не только с эргономикой, но и с житейской логикой. Оттого в офицерской кают-компании среди кожаных кресел и мебели красного дерева

спокойно размещают торпедные аппараты и скорострельные пушки, в салоне адмирала устраивают горловину элеватора из погреба снарядов зенитной артиллерии и даже в госпитальный отсек могут воткнуть пару совсем неуместных там приводов водоотливных насосов.

Вот и пост энергетики и живучести представлял собой обширное помещение с низким, чуть больше двух метров подолоком, сплошь загромождённое устройствами, даже названия которых не сразу выговоришь, не то чтобы назначение понять. Глухие, без иллюминаторов переборки завешаны стрелочными циферблатами, манометрическими трубками, телефонными аппаратами, стальными и громоздкими, как небольшие сейфы, квадратными и продолговатыми коробками, от которых отходят пучки проводов и гнутые медные трубки, кнопками всех размеров и цветов, целыми блоками блестящих тумблеров и пакетных выключателей. Всё это лишено видимой системы, и как со всем этим разбираются полтора десятка матросов, уорент-офицеров и три техник-лейтенанта – абсолютно непонятно было бы очень многим, девушкам-валькириям в том числе. Но для Карташова этот пост, как и любой другой на любом корабле, был как открытая книга, выражаясь в стиле XIX века. Правда, чтобы запомнить устройство и назначение всех систем, приборов и приспособлений, научиться пользоваться ими при любых обстоятельствах, в том числе в темноте, дыму и под шум льющейся в пробоины забортной воды офицеру-выпускнику училища требуется примерно полгода, матросу-новобранцу – полтора.

Несмотря на гудящие вентиляторы, в посту было довольно жарко, сильно пахло нагретой краской, машинным маслом и озоном.

«Какой-то щит сильно искрит», – привычно определил Николай, но его английское разгильдяйство сейчас не интересовало. Чтобы привлечь внимание занятых своим делом моряков, он дал короткую очередь в дальний верхний угол, чтобы избежать рикошетов и раньше времени никого не задеть.

Все взгляды, естественно, повернулись в его сторону.

– Всем сохранять спокойствие, вы не сопротивляетесь – я не стреляю. And on the contrary³⁰. Если поняли, отойти к правой переборке, – указал стволом место, где весь личный состав был бы на виду и лишён какой-либо свободы маневра, – руки выше плеч. За пистолеты и иные подручные предметы не хвататься. Командир поста – ко мне!

Всё случилось так быстро, вид незнакомца, а главное – его автомата были так убедительны, что ни у кого не мелькнуло и мысли о сопротивлении. Да и вообще в подобных обстоятельствах сопротивляться как-то странно даже. В чистом поле, с оружием в руках – есть шансы и стимул, а если так, как сейчас – принято не дёргаться и ждать дальнейшего развития событий. Моряки послушно отошли в указанное место, вперёд выдвинулся лейтенант-командер в расстёгнутой рабочей тужурке поверх белой майки.

– Можете не представляться, – усмехнулся Карташов, – я тоже не собираюсь. Отвечайте быстро, зачем старпом приходил? Приказал топить крейсер? Не врать, – не люблю. Быстро, я сказал!

Отличное, в том смысле что очень близкое к врождённому, диксилендовское³¹, гнусавое и с множеством почти до неузнаваемости искажённых английских слов, произношение Николая направило мысли офицера на противоположный от истинного направления курс.

– Разве мы воюем и с вашей страной? – спросил лейтенант-командер.

– Мне кажется, что вы уже ни с кем не воюете. Но и это меня не интересует. Ваш нынешний статус определяют другие. Я задал вопрос – приказал Макдоннел готовиться к затоплению корабля?

³⁰ И наоборот (англ.).

³¹ Диксиленд – разговорное наименование южных (бывших рабовладельческих) штатов Америки.

Сообразить, что всё это чистый блеф, лейтенант-коммандер не успевал. Чисто физически. Незнакомец назвал фамилию старпома и цель его прихода. Кэптэн с сопровождающими покинул пост две минуты назад. Захватить его и ещё двух офицеров без всякого шума, при этом успеть допросить – за это время нереально. Значит, человек с автоматом и алабамским акцентом всё знал заранее. Подождал, пока старпом уйдёт, и вошёл после него. Кто этот человек – думать тоже некогда. Слишком нервно пошевеливается его палец на блестящем спусковом крючке английского автомата. Дёрнет чуть сильнее – и всё. Своей цели налётчик добьётся в любом случае, а лейтенант и его люди просто перестанут жить. Причём – навсегда. В загробную жизнь офицер не очень верил, да и в любом случае *там* существовать будет уже не это тело, не эти мысли и не эти желания. А прожить ещё хотя бы лет сорок, а лучше – пятьдесят офицер очень рассчитывал. У него в роду никто из мужчин раньше восьмидесяти не умирал, даже когда не было никакой современной медицины, гигиены и прочего...

– Да, приказал... – ответил офицер.

– Могли бы и «сэр» добавить, я старше вас по званию.

– Мне это неизвестно.

– Да и мне честно говоря, наплевать. Это я просто к тому, чтоб вы знали – не с сомалийским пиратом дело имеете. А с человеком, наверняка превосходящим вас в квалификации. У ваших людей нет оружия?

Николай вёл этот, как со стороны могло показаться, чересчур длинный и якобы никчёмный разговор отнюдь не из склонности к пустой болтовне. Постоянное общение с самыми разными людьми, от флотского и собственного заводского начальства до последнего разметчика или сварщика научили его многим психологическим приёмам. Сейчас, например, он заставлял собеседника рассеять внимание между несколькими, как бы не слишком связанными, но кажущимися одинаково важными темами, не позволяя ему сосредоточиться на какой-то одной. Этим он как бы интеллектуально обезоруживал партнёра, заставлял исполнять приказы и отвечать на вопросы быстрее, чем тот мог их отразить.

– Откуда у нас оружие? Матросам оно вообще не положено, кроме как в карауле, а у офицеров пистолеты в ящиках столов ржавеют, – позволил себе криво улыбнуться офицер.

– Знакомо. Что ж, тем лучше для вас и спокойнее мне. Руки можно опустить. Кто здесь электрик?

Мужчина средних лет в куртке без знаков различия обозначился шагом вперёд и наклоном головы.

– Уорент-офицер Томлинсон, сэр.

– Очень хорошо, Томлинсон. У вас есть приличный аккумуляторный фонарь?

– Так точно, сэр.

– Подайте мне его.

Уорент-офицер командовал ближайшему матросу, и тот мгновенно принёс требуемое.

Николай проверил. Нормально светит, ярко.

– А теперь, Томлинсон, возьмите какую-нибудь приличную железку с изолированной рукояткой подойдите к главному распределительному щиту, откройте и закоротите подводящую шину.

Электрик растерянно посмотрел на своего командира.

– Я неясно выразился? Может быть, вон те две штуки, где «саплей»³² написано, у вас называются как-то иначе? Это неважно. Действуйте.

Голос и облик Карташова, никак не согласующиеся с представлением о жестоком и грубом террористе, пирате, или как там ещё можно назвать, плюс взведённый автомат, направ-

³² Supply – в данном случае «электропитание» (англ. тех.).

ленный прямо в грудь лейтенант-командеру и на группу моряков позади него, производили требуемое гипнотическое впечатление.

Уорент-офицер взял из ящика большой, сантиметров в сорок напильник, как-то механически подошёл к шкафу и сделал то, что требовал Николай. Полыхнуло настолько здорово, что в мгновенно наступившей темноте перед глазами запульсировали алые, голубые и зелёные пятна. Ещё более остро запахло озоном и горелой изоляцией.

Карташов включил фонарь. Электрик выглядел контуженным и тупо смотрел на свои руки. Напильник вырвало из них и отбросило далеко в сторону.

«Наверное, и прожгло насквозь», – подумал инженер. Когда-то, в студенческие ещё годы, с ним самим случилась подобная штука, только он закоротил шины высокого напряжения и с очень приличной силой тока случайно.

– Вот наверное и всё пока, – спокойно сказал он в пространство. Теперь сидите здесь и ждите дальнейшего развития событий. Никаких попыток выполнять предыдущий приказ не предпринимать. Я его отменяю. А на всякий случай повешу на дверь снаружи пару гранат, так что и выбираться самостоятельно не советую...

Пост был выведен из строя основательно, поскольку блоки предохранителей, из соображений большей надёжности, находились совсем в другом месте, а выйти из отсека эти «лаймы»³³ едва ли рискнут.

В коридоре Мария так и сидела рядом со старпомом. Тот, похоже, начал постепенно приходить в себя. Довольно быстро, если учесть, что посещение поста и все действия там заняли меньше пяти минут.

– Способен этот просвещённый мореплаватель подняться на десять метров по трапу? – спросил Карташов, ожидая, пока сердце перестанет колотиться и отпустят напряжённые нервы. Ему это представление далось нелегко. Одно дело – проигрывать такие сюжеты в голове, совсем другое – держаться и говорить, как супермен, отнюдь не будучи им на самом деле. Хорошо хоть, во время путешествия с Юрием вокруг половины «шарика» кое-какие навыки появились и характер окреп, а то бы ничего у него не вышло. Устроил бы никчёмную мясорубку с перепугу, а так чисто получилось, вроде как «детский мат» невзначай опытному игроку поставил.

– Попросим – пойдёт, – коротко ответила Мария и чувствительно толкнула кэптэна стволом под лопатку. – Поднимайся. Дойдём живыми – отлежишься.

Удивительно, но моряк, выглядевший не совсем вменяемым, с кровоподтёком, быстро разливавшимся на лбу и вокруг глаз, слова девушки понял, не совсем уверенно встал и, как сомнамбула, начал карабкаться по скобтрапу, ведущему по узкой, чуть шире плеч крупного мужчины, шахте, ведущей прямо в главный командный пункт. Впереди поднимался Карташов, за ним англичанин, замыкающей – Мария. Подстраховывала, хотя сорваться здесь было практически невозможно – чуть отклонился назад – и упёрся спиной в сталь трубы.

В боевой рубке, люк в которую по боевому расписанию был открыт, не оказалось никого, кроме сигнальщика, дежурившего у телефонов. Да и правильно – зачем тесниться в глухой коробке с узкими прорезями-бойницами, через которые почти ни черта не видно, если этажом выше, в так называемой «оперативной рубке» куда просторнее, с четырёх сторон большие остеклённые окна со сдвижными створками и целых три выхода на обширный мостик. На его крыльях – два четырёхствольных «Эрликона» в полусферических вращающихся башенках.

Сначала Николай направил на сигнальщика автомат, а потом Мария одним движением выключила парня, недоумённо тарашившегося и на неприятное, когда смотрит тебе в грудь, дульное отверстие, и на недавнего «царя и бога» – старпома, выглядящего как после драки в портсмутском борделе, и на молодую ведьму, тоже с автоматом и очень неприятно прищурен-

³³ Жаргонное, ещё с времён парусного флота наименование английских моряков, поскольку им для борьбы с цингой выдавали лимоны или лимонный сок.

ными глазами. Этот взгляд и вспомнится ему первым, когда он придёт в себя после долгого беспамятства.

– Не сильно ты его? – спросил Карташов, когда матрос сполз по переборке на рифлёный настил рубки.

– Раз не убила – значит, не сильно. Очнётся, только шеей долго будет больно двигать.

Тут наверху послышался шум, крики, даже выстрел громыхнул, пистолетный, вообще как-то неуместный на столь грозном корабле, где положено грохотать только пушкам главного калибра и зенитным скорострелкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.